

УДК 629.3
К95

Н/а се

Э. Ф. КУЦОВА

К

ГАРАНТИИ
ПРАВ ЛИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

Э. Ф. КУЦОВА

X621.5343.4c

12958

ш9

412619

ГАРАНТИИ
ПРАВ ЛИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

код экземпляра

20013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

Предисловие

Обеспечение прав и законных интересов личности — одна из центральных задач ~~социалистической~~ демократии.)

Важное значение имеет она в области советского уголовного судопроизводства, что обусловлено самой спецификой деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел, которая сопряжена с возможностью применения к гражданам острых принудительных мер, в том числе ареста, обыска, мер уголовного наказания.

Решение задач советского уголовного судопроизводства возможно в условиях режима социалистической законности, которому присуще не только провозглашение, но и обеспечение прав и свобод граждан. «Социалистическая демократия в противоположность буржуазной не только провозглашает права народа, но и гарантирует их реальное осуществление. Советское общество обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость»¹.

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. III. М., Госполитиздат, 1962, стр. 238.

Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве достигается системой гарантий, в том числе юридическими (правовыми), элементом которых являются уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе граждан.

Проблема уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности многогранна и многопланова. Важное значение имеет постановка и решение многих теоретических вопросов, относящихся к данной проблеме. При исследовании уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности эти вопросы не получили достаточного освещения в советской процессуальной литературе. Автор сосредоточивает свое внимание прежде всего на ряде таких вопросов: о понятии уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности; значении данных гарантий в условиях социалистической демократии; их характерных чертах; цели, содержании; связи с другими гарантиями прав личности.

Для обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном процессе особенно важна позиция лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, которая в значительной мере предопределяется существом возложенных на них обязанностей. Учитывая это, из всей системы уголовно-процессуальных средств обеспечения названных прав и интересов автор выделяет данные обязанности.

Эти обязанности обширны и многообразны. В их системе — такие, которые непосредственно направлены на обеспечение законности и обоснованности применения мер пресечения, привлечения к уголовной ответственности, признания виновным в совершении преступления и иных, затрагивающих интересы личности решений. Таковы, например, требования закона не допускать постановления обвинительного приговора иначе как при бесспорной доказанности виновности подсудимого; не допускать применения мер пресечения иначе как при наличии предусмотренных законом оснований. Большое значение подобных обязанностей для обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном процессе несомненно. Они исследовались многими советскими процессуалистами.

Нисколько не умаляя необходимость, важность подобных обязанностей для обеспечения прав и законных интересов личности, нельзя вместе с тем не учитывать, что их надежность как гарантий названных прав и интересов в значительной мере зависит от существа обязанностей, возложенных на лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, суд в области доказывания. Ибо с такими обязанностями связана возможность установления истины в уголовном процессе.

Для обеспечения процессуальных прав обвиняемого, подо-

зреваемого и других участников процесса серьезное значение имеет их осведомленность о своих правах, а также возможность знать, почему принято данное затрагивающее интересы гражданина процессуальное решение (почему гражданин признан виновным в совершении преступления; отказано в удовлетворении его жалобы и т. п.).

В соответствии с изложенным автор рассматривает в качестве гарантий процессуальных прав личности обязанности лица, производящего дознание², следователя, прокурора, суда: в области доказывания; их обязанность разъяснить права участвующим в уголовном судопроизводстве гражданам; мотивировать принимаемые решения.

* В таком аспекте уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в советской правовой литературе почти не исследовались.

Учитывая особую важность обеспечения прав и законных интересов обвиняемого автор рассматривает поставленные им вопросы в основном применительно к задаче обеспечения прав и законных интересов обвиняемого.

² Здесь и далее в соответствующих случаях имеется в виду и орган дознания.

Глава

I

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬ- НЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

1

Советское уголовное судопроизводство призвано служить быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития¹.

Решение таких задач требует строжайшей законности уголовного судопроизводства; обеспечения прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе граждан. Это достигается всей системой гарантий социалистической законности: экономическими, политическими, правовыми и др.

Видом правовых гарантий являются уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности, т. е. прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроиз-

¹ Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (в дальнейшем этот акт именуется сокращенно — Основы).

водстве граждан: обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля и др. Наличие данных гарантий связано с самим существом задач советского уголовного судопроизводства. Они необходимы для того, чтобы виновный был изобличен и подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Важны и необходимы уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов всех граждан, независимо от того, в каком процессуальном качестве гражданин участвует в судопроизводстве: обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. д. Достаточно в связи с этим отметить, что преимущественное количество советских граждан (из общего числа вовлекаемых в уголовное судопроизводство) участвуют в нем в качестве свидетелей, роль которых в установлении истины по делу велика².

Особенно важна проблема обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, а также подозреваемого. Процессуальное положение этих лиц сопряжено с возможностью применения принудительных мер, остро затрагивающих личность, ее права, ее интересы. Так, обвиняемый может быть заключен под стражу, отстранен от должности; к подсудимому, признанному виновным, суд вправе применить уголовно-правовые санкции; закон допускает задержание подозреваемого. Возможность применения столь острых мер требует особого внимания к обеспечению прав и законных интересов названных лиц.

В данной работе вопросы, относящиеся к проблеме уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, рассматриваются преимущественно в аспекте обеспечения прав и законных интересов обвиняемого.

Из отмеченного выше очевидно вместе с тем необходимость не только охранять права и законные интересы граждан, поставленных в положение обвиняемого, подозреваемого, но прежде всего не допускать неправомерного привлечения граждан к уголовному делу в таком процессуальном качестве. Ибо факт привлечения в качестве обвиняемого, подозреваемого чреват применением к гражданину суровых процессуальных, а к осужденному — и уголовно-правовых мер; причиняет гражданину и его близким моральные страдания, а в ряде случаев — материальный ущерб. Все это требует развернутой системы гарантий законности и обоснованности привлечения граждан в качестве обвиняемого и

² Представляется, что интересы свидетеля в уголовном процессе еще не ограждены в полной мере. См. Э. Ф. Куцова. Расширить процессуальные права свидетеля. «Советская юстиция», 1965, № 22; Г. Анашкин. Свидетель и правосудие. «Известия», 27 февраля 1969 г.; Е. Жбанов. Взгляд из-за шторы. «Известия», 9 марта 1972 г.

подозреваемого, которая свойственна советскому уголовному процессу³.

Советский уголовный процесс основан на подлинно демократических принципах. Соответственно этому уголовно-процессуальным гарантиям личности в советском уголовном судопроизводстве присущ подлинный демократизм.

Уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов личности являются многочисленные и многообразные по своему конкретному содержанию средства, предусмотренные нормами советского уголовно-процессуального права, служащие обеспечению возможности осуществления, защите прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе. Эти средства взаимно подкрепляют друг друга.

Так, уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого служат прежде всего обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, содействующие обеспечению прав и законных интересов обвиняемого, а также: права обвиняемого⁴, защитника и законного представителя обвиняемого; права представителей общественности в уголовном процессе, содействующие осуществлению обвиняемым его прав, охране этих прав и законных интересов обвиняемого (например, права общественного защитника).

Данные гарантии этим не исчерпываются. Немаловажны для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, например: обязанность свидетеля и потерпевшего дать правдивые показания; обязанность секретаря судебного заседания, предусмотренная ст. 244 УПК РСФСР и т. д.

Качеством уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого обладают такие обязанности следователя (лица, производящего дознание), прокурора, суда:

³ Вопрос об основаниях и порядке привлечения граждан в качестве обвиняемых и подозреваемых рассматривался в ряде работ. См., например, В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959, стр. 10—31; Л. М. Карнеева. Привлечение в качестве обвиняемого. М., Госюриздат, 1962; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 183—195; П. И. Давыдов. Основания привлечения лица в качестве обвиняемого. Сборник ученых трудов, вып. 8. Свердловск. юрид. ин-т. Свердловск, 1968; Л. М. Карнеева. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 17—25; И. С. Галкин, В. Г. Кочетков. Процессуальное положение подозреваемого. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 3—45; С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, стр. 5—49, 80—104.

⁴ Право приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда; заявлять отводы; иметь защитника и др.

а) которые непосредственно корреспондируют соответствующим правам обвиняемого. Например, обязанности следователя: предъявить обвиняемому обвинение полно и конкретно, разъяснить его сущность и уведомлять обвиняемого о любом изменении обвинения (соответствует праву обвиняемого знать, в чем он обвиняется); допросить обвиняемого немедленно после предъявления обвинения (соответствует праву обвиняемого давать показания); сообщить, кто назначен экспертом (соответствует праву обвиняемого заявить отвод эксперту);

б) те, которым такая взаимосвязь с конкретными правами обвиняемого не свойственна, но в силу своего существа они служат обеспечению осуществления и защите прав и законных интересов обвиняемого. Такова, например, обязанность председателя суда и прокурора (ст. 48 Основ, ст. 371 УПК РСФСР) принести протест на вступивший в законную силу приговор при нарушении прав и законных интересов осужденного. Такое же значение имеют все обязанности следователя (лица, производящего дознание), прокурора, суда совершать по своей инициативе процессуальные действия, необходимые в данной ситуации для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого. Так, при отсутствии соответствующего ходатайства обвиняемого и защитника следователь обязан вызвать и допросить свидетеля, которому известны обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого (см. стр. 14 Основ);

в) обязанность указанных выше лиц разъяснить обвиняемому его права (которую следует выделить особо из всех иных, подпадающих под п. «б»).

Представляется, что значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего и др.) имеют и права лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Мы имеем в виду те из таких прав, которые способствуют своевременному и правильному исполнению указанными лицами и судом их обязанностей по обеспечению процессуальных прав и законных интересов обвиняемого (или другого участвующего в процессе гражданина). Поскольку эти права служат названной цели, таким путем они приобретают значение рассматриваемых гарантий.

Так, в советском уголовном процессе прокурор обязан строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному ограничению в правах. Эта обязанность не имела бы реального значения гарантии прав и законных интересов личности, если бы ее исполнение не обеспечивалось необходимыми и достаточными для этого правами прокурора, например: требовать от органа дознания и

следователя для проверки уголовные дела; давать указания следователю и лицу, производящему дознание: отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания, следователя.

Права указанных выше должностных лиц и органов могут служить уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов личности также потому, что им свойственна обязательность использования при наличии в каждой данной ситуации условий, на которые рассчитано данное право следователя, прокурора, суда. В таких условиях применение права становится обязательным для названных лиц. Так, следователь имеет право вызвать гражданина на допрос в качестве свидетеля. Если же ему известен гражданин, который, по мнению следователя, может сообщить сведения, смягчающие вину обвиняемого, следователь обязан применить свое право вызывать граждан в качестве свидетелей.

Как было отмечено выше, уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого служат и его права⁵.

Объясняется это тем, что обвиняемый (и другие участвующие в уголовном судопроизводстве граждане) обладают не одним-единственным правом, а совокупностью их. В такой совокупности одни права в силу своего существа обеспечивают, служат гарантией реальности других. Несомненно, например, что право обвиняемого на обжалование, заявление отводов, право иметь защитника взаимно подкрепляют друг друга, а также служат гарантиями иных прав обвиняемого (давать показания, заявлять ходатайства и т. д.).

Важной мерой укрепления и возрастания гарантий прав и законных интересов обвиняемого является расширение его права иметь защитника.

Существенный элемент уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого — права общности. Таковы, например, права общественного защитника, который является участником судебного разбирательства.

В системе средств, служащих уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого, особое место занимают обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда.

Определяется это тем, что соответственно расследование, рассмотрение уголовных дел и осуществление надзора за законностью — исключительная компетенция названных лиц и органов.

⁵ Возражает против такого вывода В. Е. Юрченко («Вестн. Моск. ун-та», сер. право, 1972, № 3, стр. 82).

Только суд или судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, или орган дознания вправе решать по существу (в пределах своей компетенции) вопросы, возникающие при расследовании и рассмотрении уголовных дел. В области уголовного судопроизводства граждане реализуют свои права и защищают свои интересы, как правило, через действия и решения названных должностных лиц и органов. Так, обвиняемый возбуждает ходатайства перед названными лицами и органами, от которых зависит решение вопроса по существу.

Отсюда понятно то большое значение, которое имеют обязанности следователя, прокурора, суда — их существо, объем, четкость формулирования в законе — для реального значения процессуальных прав обвиняемого (и других граждан). Чем последовательнее, шире и конкретнее воплощается в обязанностях названных лиц и органов идея обеспечения прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве граждан, тем надежнее ограждены эти права и интересы.

Важно вместе с тем подчеркнуть, что осуществимость процессуальных прав граждан (в том числе обвиняемого, подозреваемого) отнюдь не зависит от усмотрения следователя, прокурора, суда. Наличие процессуальных прав у граждан порождает корреспондирующие обязанности названных должностных лиц и органов по их обеспечению. При этом исполнение данных обязанностей гарантировано. Важным средством этого является взаимоподкрепляемость исполнения, присущая обязанностям суда, прокурора, лиц, производящих расследование в советском уголовном процессе (исполнение обязанностей следователя подкрепляется обязанностями прокурора по осуществлению надзора за законностью предварительного расследования и т. д.).

В советском уголовном процессе лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд обязаны разъяснить обвиняемому его права и обеспечить возможность осуществления этих прав; исследовать обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно. Следователь (лицо, производящее дознание) обязан не допускать привлечения граждан к уголовной ответственности иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом; суд — не допускать постановления обвинительного приговора иначе как при бесспорной доказанности виновности подсудимого в ходе судебного разбирательства; прокурор обязан осуществлять надзор за обеспечением прав обвиняемого и своевременно принимать меры к устранению нарушений прав. Существо этих и многих других обязанностей лица, производящего дознание (органа дознания), следователя, прокурора, начальника следственного отдела, суда (судьи) таково, что они служат важными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого.

Итак, уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности — это на наш взгляд, соответствующие средства, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права⁶.

Нам представляется необоснованным отождествление уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности с деятельностью (суда, прокурора, лиц, производящих предварительное расследование, а также защитника) по обеспечению данных прав и интересов⁷.

Уголовно-процессуальные средства, служащие гарантиями прав и законных интересов личности, реализуются в деятельности суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание (органа дознания), а также защитника. Данные гарантии формируют (во взаимодействии с иными средствами) деятельность суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание как такую, которая гарантирует права и законные интересы участвующих в уголовном процессе граждан (а деятельность защитника — как такую, которая служит обеспечению прав и законных интересов обвиняемого).

Важно отметить, что определенные уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности могут служить обеспечению данных прав и интересов, если они и не

⁶ Такова же по существу позиция ряда других процессуалистов. См., например, Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. VIII; П. С. Элькин. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, стр. 74—75; «Демократические основы советского социалистического правосудия». Под ред. М. С. Строговича. М., «Наука», 1965, стр. 237; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая». М., «Юридическая литература», 1966, стр. 388.

⁷ Так, В. З. Лукашевич включает в рассматриваемые гарантии деятельность защитника (В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду. Автореф. докт. дисс. Л., 1967, стр. 3); С. А. Александров к рассматриваемым гарантиям относит (наряду с нормами уголовно-процессуального права) основанную на них деятельность по ограждению, осуществлению законных интересов граждан (а также объединений, общества в целом) (С. А. Александров. Правовые гарантии интересов гражданского истца и ответчика в уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1968, стр. 6. Такова же по существу позиция В. Е. Юрченко («Вестн. Моск. ун-та», сер. право, 1972, № 3, стр. 82).

Е. Г. Мартынич, определяя процессуальные гарантии прав обвиняемого включает в них «основанную на законе деятельность органов предварительного следствия, прокуратуры, суда и защитника по реализации прав обвиняемого на всех стадиях уголовного процесса». Вместе с тем автор утверждает, что процессуальные гарантии должны реально осуществляться в деятельности государственных органов, ведущих уголовный процесс. Это вносит неопределенность в позицию Е. Г. Мартыничка: неясно, указанная деятельность названных органов является процессуальной гарантией прав обвиняемого, или в этой деятельности данные гарантии реализуются (Е. Г. Мартынич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 4, 5).

равняются. Несомненно, например, что сам факт наличия у обвиняемого права заявить отвод следователю; обжаловать его действия прокурору; иметь защитника побуждает следователя соблюдать права и законные интересы обвиняемого. Таким же может быть значение соответствующих обязанностей и прав указанных выше должностных лиц и органов. Так, факт наличия у прокурора обязанности осуществлять надзор за исполнением законов при производстве предварительного следствия и наличия у него права требовать от следователя для проверки дела, отстранять следователя от дальнейшего ведения следствия, если им допущено нарушение закона и др. — стимулирует тщательное соблюдение следователем закона, прав обвиняемого.

Деятельность суда, прокурора, лиц, производящих предварительное расследование, служит существенной гарантией прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, приобретая такое качество в результате взаимодействия различных правовых (а не только уголовно-процессуальных) гарантий (а также других факторов).

Важное значение имеют, например, нормы, определяющие организацию суда, прокуратуры, органов предварительного расследования, ибо деятельность названных органов может служить гарантией прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, при условии соответствующей организации этих органов.

Очень важны для достижения указанной цели уголовно-процессуальные нормы. Применение уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих права и законные интересы личности, невозможно в отрыве от соотносящихся с ними норм уголовного права. При этом от существа данных норм, от их четкости, определенности во многом зависит надежность соотносящихся с ними уголовно-процессуальных средств обеспечения названных прав и интересов; зависит возможность охраны таких прав и интересов деятельностью суда, прокурора, лиц, производящих предварительное расследование.

Так, ст. 43 Основ обязывает суд не допускать постановления обвинительного приговора иначе как при бесспорной доказанности виновности подсудимого. Это — одна из важных уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности. Надежность данной гарантии при применении ее судом во многом обусловлена принятыми в советском уголовном праве решениями об основаниях уголовной ответственности; о том, когда преступление признается совершенным умышленно, а когда — по неосторожности и рядом других.

Вместе с тем нельзя не признать особую важность уголовно-процессуальных норм для обеспечения деятельности

суда, прокурора, лиц, производящих расследование, как таковой, которая охраняет права и законные интересы граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. Определяется это тем, что именно данные нормы предусматривают средства, направленные на обеспечение возможности осуществления процессуальных прав граждан. (Такие, как соответствующие обязанности суда, прокурора, лиц, производящих расследование; права защитника и др.)

Для уяснения цели уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности важно следующее. Социалистической демократии присуща реальность прав личности; обеспеченность осуществления гражданами прав, субъектами которых они являются. Данное качество субъективных прав объективно необходимо в условиях социалистической демократии. Оно обусловлено ее сущностью, задачами и целями.

Советское государство сильно сознательностью масс, что предполагает активное со знанием дела участие масс во всех областях государственной жизни. Это возможно при наличии у граждан широких прав, а также условий, гарантирующих возможность их осуществления. Названная качественная особенность прав граждан в условиях социалистической демократии вновь подчеркнута в Обращении ЦК КПСС к избирателям, в котором поставлена задача дальнейшего развития демократии, создания условий, в которых граждане могли бы широко и эффективно использовать свои права.

В соответствии с изложенным, цель уголовно-процессуальных (и иных правовых), гарантий прав и законных интересов личности не может быть сведена к ограждению прав граждан от нарушений. Названные гарантии должны служить (и служат) обеспечению возможности фактического использования гражданами предоставленных им прав (это, однако, не означает, что такая цель достигается одними лишь уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов личности). В соответствии с этим должностные лица и органы (суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание) обязаны не только воздерживаться от нарушения прав граждан; они обязаны содействовать гражданину, в частности обвиняемому, подозреваемому в осуществлении прав (см. ст. 13, 27 Основ).

Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности имеют своей целью также предупреждать нарушение прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого как и других участвующих в деле граждан; обеспечивать выявление и устранение нарушений процессуальных прав и законных интересов граждан.

Все эти цели уголовно-процессуальных гарантий взаимосвязаны. Обеспечивая достижение названных целей, данные

гарантии прав и законных интересов личности служат установлению истины по уголовным делам, правильному применению закона, т. е. служат решению задач уголовного судопроизводства, достижению целей правосудия.

2

Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности имеют в условиях социалистической демократии большое значение, что определяется следующим.

а) Их неразрывной связью с сущностью социалистической демократии, необходимостью (как элемента правовых гарантий прав и законных интересов личности) для решения задач социалистической демократии.

В условиях социализма «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁸. При разработке первой программы РСДРП В. И. Ленин указывал, что при социализме планомерная организация общественного производства служит для «обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *всех* членов общества»⁹. Все для блага человека, все во имя человека — идея Программы КПСС. Одним из условий обеспечения названного является предоставление гражданам необходимых прав и их гарантированность. Это относится и к уголовному судопроизводству. Ибо не может быть обеспечено свободное, всестороннее, творческое развитие личности без системы правовых гарантий, направленных на защиту граждан от неправомерного ареста, необоснованного осуждения, применения мер уголовного наказания и тому подобных мер.

Социалистической демократии присущ подлинный гуманизм, уважение к личности, ее интересам и правам. В соответствии с этим гражданам в условиях социалистической демократии предоставлены большие права и реальность их гарантирована. Это свойственно и уголовному судопроизводству.

Необходимость правовых гарантий прав и законных интересов личности определяется также тем, что решение задач социалистического государства возможно при активном участии граждан. Программа КПСС, определяя главное направление развития социалистической государственности в период строительства коммунизма, предусматривает «активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством...»¹⁰.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232. См. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 105.

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 101.

Смысл и содержание социалистической демократии партия видит в участии все более широких масс в управлении страной, общественными делами¹¹. Важным условием этого является предоставление гражданам необходимых прав и обеспечение возможности их использования; гарантированность таких прав¹².

Существенны в рассматриваемом плане и уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности — обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и других участвующих в процессе граждан, ибо незаконные и необоснованные действия следователя, суда — неправомерный арест, привлечение к уголовной ответственности и осуждение, как и ущемление прав потерпевшего, — могут препятствовать позитивному развитию личности и умалять возможность созидательного участия гражданина в решении задач социалистического строительства. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности служат предотвращению подобных действий и связанных с ними последствий.

Таким образом, правовые, включая и уголовно-процессуальные, гарантии прав и законных интересов личности необходимы для решения задач социалистической демократии. Они отражают ее реальный гуманизм.

б) Успешное решение задач социалистической демократии достижимо в условиях строжайшей законности, неотъемлемым элементом которой является неприкосновенность прав советских граждан.

Применительно к уголовному судопроизводству это означает, что его задачи¹³ могут решаться при условии законности деятельности лица, производящего дознание (органа дознания), следователя, прокурора, суда, при соблюдении ими прав участвующих в процессе граждан, включая обвиняемого, подозреваемого. Нарушение прав обвиняемого, подозреваемого создает угрозу привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного. Если такая ошибка будет допущена, действительный преступник — убийца, расхититель социалистической собственности, взяточник, хулиган — останется безнаказанным. Нарушение прав обвиняемого чревато неправильным применением закона при уголовно-правовой квалификации его действий, определении меры наказания, что

¹¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 82.

¹² В работе: Д. А. Керимов, Е. М. Чехарин. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., «Юридическая литература», 1970 справедливо отмечено: «...каждый советский гражданин знает, что в осуществлении его прав и обязанностей заинтересовано социалистическое государство, так как благодаря осуществлению этих прав и обязанностей поднимается уровень сознательности граждан, развивается их инициатива и творчество, повышается их активность в хозяйственной, политической и культурной жизни страны» (стр. 246).

¹³ См. ст. 2 Основ.

ослабляет значение мер уголовного наказания как средства исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления. Ущемление процессуальных прав личности подрывает воспитательное воздействие уголовного процесса.

Таким образом, только в условиях законности, соблюдении процессуальных прав граждан возможно решение задач советского уголовного судопроизводства. Обеспечению такого соблюдения служат уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности. Характерным для режима социалистической законности является не только провозглашение прав и свобод граждан, но и их гарантированность¹⁴.

При выяснении значения рассматриваемых гарантий необходимо учитывать взаимосвязь решения задачи борьбы с преступностью и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Охраняя невиновных от привлечения к уголовной ответственности и осуждения, уголовно-процессуальные гарантии способствуют изобличению и наказанию виновных; обеспечивая справедливое наказание виновного, они содействуют его исправлению, предупреждая тем самым совершение им новых преступлений и иных правонарушений. Уголовное судопроизводство успешно служит охране общества и личности от преступных посягательств, если последовательно и полно ограждены права и законные интересы личности, прежде всего обвиняемого, подозреваемого в самом уголовном судопроизводстве.

Из изложенного следует, что в условиях социализма уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности, в том числе обвиняемого, подозреваемого, общественно полезны, общественно значимы. Принципиально ошибочно мнение отдельных практических работников о том, что нарушение прав обвиняемого (или другого лица) можно оправдать стремлением быстро, оперативно раскрыть преступление и изобличить виновного. Нарушение прав обвиняемого чревато опасностью привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного и безнаказанностью преступника, что ведет к ослаблению борьбы с преступностью, к дискредитации правосудия¹⁵. Уголовно-процессуальные нормы служат установлению истины. Это относится и к тем, которые закрепляют уголовно-процессуальные гарантии прав и

¹⁴ «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия». М., «Юридическая литература», 1970, стр. 518.

¹⁵ Пленум Верховного Суда СССР, отметив, что в судебной деятельности еще встречаются нарушения законов, в частности прав обвиняемого, признал, что «эти нарушения законов... наносят большой вред организации борьбы с преступностью, правам и законным интересам граждан, ослабляют их веру в силу советских законов и справедливость социалистического правосудия» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1974—1970». М., «Известия», 1970, стр. 253). См. также Уполномоченный Верховного Суда СССР, 1971, № 4, стр. 6.

законных интересов личности, включая обвиняемого, подозреваемого¹⁶. Наличие и соблюдение таких гарантий — условие достижения успеха в борьбе с преступностью.

в) Значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности определяется также тем, что предметом этих гарантий являются в конечном счете конституционные права и свободы личности: неприкосновенность личности; неприкосновенность жилища граждан; тайна переписки. Право обвиняемого на защиту — также одна из конституционных гарантий прав личности (ст.ст. 127, 128, 111 Конституции СССР).

В соответствии с конституционными гарантиями, уголовно-процессуальный закон определяет, например, основания и порядок лишь при наличии и с соблюдением которых: гражданин может быть лишен свободы; допустимо производство обыска; наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемка. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает развернутую систему прав обвиняемого, обеспечивающих защиту его законных интересов на всех стадиях уголовного процесса.

г) Значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности определяется и тем существенным фактом, что они призваны охранять личность в такой области государственной деятельности, которая сопряжена с вторжением в жизнь граждан: для того чтобы борьба с преступностью могла быть успешной, следовательно, прокурор, суд наделяются (в пределах своей компетенции) полномочиями соответственно на привлечение граждан к уголовной ответственности; заключение под стражу; применение мер уголовного наказания и др. Связанная с такими полномочиями потенциальная опасность ущемления прав граждан требует, чтобы этой опасности были противопоставлены соответствующие и соразмерные ей средства защиты прав и законных интересов гражданина. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности — это, следовательно, такие правовые средства, которые должны предотвращать острые нарушения прав и интересов личности.

Выясняя значение рассматриваемых гарантий, необходимо

¹⁶ Данный вывод имеет принципиальное значение для советской уголовно-процессуальной теории. По существу он общепризнан. См., например, В. М. Савицкий. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М., Госюриздат, 1959, стр. 83—84; В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959, стр. 5; Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., Госюриздат, 1961, стр. 182; Н. В. Жогин. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 160; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., «Наука», 1968, стр. 58; Г. П. Саркисянц. Защитник в уголовном процессе. Ташкент, 1971, стр. 5—6.

учитывать, что само социалистическое правосудие (в данном случае — по уголовным делам) — существенная, подлинно демократическая гарантия прав и законных интересов граждан. Действенность же данной гарантии прямо пропорциональна способности суда (используя помощь, оказываемую предварительным расследованием) установить истину в данной конфликтной ситуации и правильно применить закон. Положительный результат достигается при условии, что уголовно-процессуальные формы обеспечивают охрану прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве граждан, т. е. если они включают достаточные гарантии этих прав и интересов. Процессуальная форма, присущая советскому уголовному судопроизводству, — существенная гарантия установления истины, гарантия обеспечения прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе.

Из изложенного следует, что уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности имеют большое значение, поскольку они (являясь элементом правовых гарантий прав личности) неразрывно связаны с сущностью социалистической демократии, необходимы для решения ее задач; данные гарантии — одно из условий достижения успеха в борьбе с преступностью, проводимой в формах и методах, свойственных уголовному судопроизводству; призваны ограждать вовлекаемых в уголовный процесс граждан от острых нарушений их прав и законных интересов (от незаконного и необоснованного привлечения в качестве обвиняемого и подозреваемого; ареста; обыска, осуждения и т. п.); содействуют реальности прав, предоставленных гражданам в уголовном процессе; имеют в конечном итоге своим предметом ряд конституционных прав и свобод личности. Наличие и соблюдение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности — условие обеспечения социалистической законности в уголовном судопроизводстве. В социалистическом обществе уголовно-процессуальные гарантии названных прав и интересов, включая обвиняемого, подозреваемого, социально полезны и объективно необходимы; они полезны и необходимы как для обеспечения интересов гражданина, так и интересов общества, государства.

3

По своей природе и сущности рассматриваемые гарантии — подлинно демократические, социалистические.

В связи с этим отметим следующее. В процессе становления буржуазной демократии и законности был провозглашен ряд демократических принципов, в уголовном судопроизводстве, например, — гласность, презумпция невиновности. Внеш-

...присущи и советскому уголовному процессу.

Важно в связи с этим привлечь внимание к выводу К. Маркса о том, что «обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи»¹⁷. Все принципы и институты советского уголовного процесса соответствуют целям социалистического правосудия: охранять общественный и государственный строй СССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность; права и законные интересы граждан СССР; права и охраняемые законом интересы учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Советское правосудие служит обеспечению точного и неуклонного исполнения советских законов. Институт гласности и другие, внешне сходные с теми, которые были провозглашены в период становления буржуазной демократии, получили в условиях Советского государства, в соответствии с его классовой сущностью, такое развитие, углубление и обогащение, при котором они приобрели новое качество институтов социалистической демократии.

Это относится и к презумпции невиновности. Мы не можем согласиться с процессуалистами, считающими, что советскому уголовному процессу не свойственна данная презумпция потому, что она известна судопроизводству капиталистических государств; является буржуазно-демократическим принципом¹⁸.

Советское уголовно-процессуальное право отнюдь не ассимилировало буржуазно-демократический, во многом декларативный, формальный принцип презумпции невиновности. Отражая задачи социалистического уголовного судопроизводства, его классовую природу, советский уголовно-процессуальный закон закрепил такие требования, как недопустимость переложения обязанности доказывания на обвиняемого; недопустимость признания гражданина виновным в

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 344.

¹⁸ Возражения против рассматриваемого института см., например, «Уч. зап. ВЮЗИ», вып. VI, М., 1958, стр. 71—72.

В работах многих советских процессуалистов рассматривался вопрос о существовании и значении свойственной советскому уголовному процессу презумпции невиновности. См., например, М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 183—217; И. Д. Перлов. Об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Труды научной сессии ВЮЮ». М., Госюриздат, 1960, стр. 62—63; И. И. Малхов. Важная гарантия социалистического правосудия. Ростов н/Д, 1961; Т. Н. Добровольская. Принципы советского уголовного процесса. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 111—119.

совершении преступления и применения к нему мер уголовного наказания иначе как по приговору суда; положительной и бесспорной доказанности виновности при постановлении обвинительного приговора. В этих положениях закона находит проявление и выражение презумпция невиновности.

Решая, свойственна ли (и нужна ли) презумпция невиновности советскому уголовному процессу, необходимо учитывать психологическое воздействие названной презумпции, признание которой должно быть органичным для правосознания лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи. Отрицание презумпции невиновности способствует отождествлению в представлении указанных должностных лиц обвиняемого, подсудимого с виновным, с преступником¹⁹. Такое отождествление способствует обвинительному уклону, снижает самостоятельность судебного следствия. Все это — путь к нарушению прав личности в уголовном судопроизводстве, путь к судебным ошибкам, нарушению законности и ослаблению борьбы с преступностью.

Буржуазная демократия на современном этапе ее развития, разрушая созданную ею законность, разрушает и презумпцию невиновности²⁰.

Подлинно демократическая сущность уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, свойственных советскому уголовному процессу, проявляется в их качествах, в том числе: в равенстве данных гарантий; их реальности; достаточности; поступательном характере развития.

а) В соответствии со ст. 8 Основ «правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания». Суд, прокурор, лицо, производящее расследование, равно обязаны, независимо от указанных качеств личности, разъяснить участвующим в деле гражданам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав (см. ст. 27 Основ). Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве в одинаковом процессуальном качестве: подозреваемых, обвиняемых или потерпевших, свидетелей и т. д., — равны. Равенство уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности — необходимый элемент политического равноправия граждан, закрепленного Конституцией СССР (ст. 123).

¹⁹ См. об этом, например, О. Чайковская. Опасное невежество. «Известия», 9 сентября 1964 г.

²⁰ Обстоятельно показан этот процесс в работе: А. Старченко. Философия права и принципы правосудия в США. М., «Высшая школа», 1969, стр. 37—50.

В СССР нет ни чрезвычайных судов, которые действовали бы в условиях усеченных гарантий личности, ни привилегированных судов.

В связи с рассматриваемым важно привлечь внимание к тому, что в СССР военные трибуналы входят в единую судебную систему и порядок производства в них подчинен единому для всех судов СССР процессуальному законодательству. Обвиняемые, подозреваемые (а равно потерпевшие и другие граждане) пользуются при рассмотрении уголовного дела военным трибуналом всей полнотой гарантий, свойственных советскому уголовному судопроизводству²¹.

б) Уголовно-процессуальным гарантиям прав и законных интересов личности в советском уголовном процессе присуща реальность, что обеспечивается классовой сущностью социалистической демократии; наличием и взаимодействием свойственных ей гарантий законности (см. главу вторую);

в) Подлинно демократическим качеством рассматриваемых гарантий является их достаточность (в целом) для обеспечения возможности осуществления и защиты от нарушений прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе²².

Достаточность уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, участвующих в советском уголовном судопроизводстве, достигается тем, что эти гарантии предоставлены всем участвующим в уголовном процессе гражданам (обвиняемым, подозреваемым, также потерпевшим, свидетелям и др.); они имеются на всех стадиях, согласуясь при этом с задачами данной стадии процесса, отражая специфику процессуальных прав и законных интересов личности в каждой из них; эти гарантии служат как выявлению и устранению допущенных нарушений процессуальных прав и законных интересов личности, так и предупреждению таких нарушений и обеспечению возможности фактического использования гражданами предоставленных им процессуальных прав²³; возможность использования процессуальных средств защиты прав и законных интересов личности обеспечена.

Для достижения такого обеспечения существенна взаимосвязь, взаимоподкрепляемость средств, служащих уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных ин-

²¹ Ст. 1 Основ; ст. 1 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик; ст. 1, ст. 7 Положения о военных трибуналах; ст. 1 УПК РСФСР (Здесь, как и при дальнейшем изложении при ссылках на статьи УПК РСФСР имеются в виду, и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

²² О достаточности в целом рассматриваемых гарантий свидетельствует тот факт, что по большинству уголовных дел приговоры выносятся в строгом соответствии с законом (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 9).

²³ О целях рассматриваемых гарантий см. также стр. 14.

тересов личности. Например, права обвиняемого (иметь защитника, право на обжалование и другие) содействуют тому, чтобы следователь, прокурор, суд своевременно и тщательно исполняли свои обязанности, ограждающие права и законные интересы обвиняемого. В свою очередь обязанности названных должностных лиц и органов также образуют взаимоподкрепляемую систему. Так, прокурор, осуществляя надзор за законностью в уголовном судопроизводстве, обязан своевременно принимать предусмотренные законом меры к тому, чтобы следователь, лицо, производящее дознание, а также суд исполняли свои обязанности по охране прав и законных интересов участвующих в судопроизводстве граждан, в том числе обвиняемого (подсудимого). Характер полномочий прокурора в стадии предварительного расследования существенно отличен от его полномочий в стадиях, где действует суд: суд при осуществлении правосудия независим и подчиняется только закону. Однако при всем различии полномочия прокурора на всех стадиях процесса таковы, что дают ему возможность своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона; эти полномочия служат гарантией тщательного и своевременного исполнения лицами, производящими предварительное расследование, а равно судом их обязанностей, призванных ограждать права и законные интересы обвиняемого (подсудимого) и других участвующих в процессе граждан²⁴. Полномочия суда первой инстанции делают неизбежной при осуществлении им своих функций проверку исполнения обязанностей (служащих гарантиями прав и законных интересов личности) лицами, производящими предварительное расследование, а равно исполнение прокурором его обязанностей по осуществлению надзора за законностью (в том числе надзора за соблюдением прав и законных интересов личности) в стадии предварительного расследования²⁵. В случае неисполнения таких обязанностей суд полномочен принять меры, которые способствуют устранению нарушений процессуальных прав и законных интересов личности и стимулируют исполнение названных выше обязанностей лицами, производящими предварительное расследование, прокурором. Так, суд в судебном разбирательстве вправе направить уголовное дело для производства дополнительного расследования при нарушении прав обвиняемого (неустраняемых в судебном разбира-

²⁴ См. ст. 20 Основ; ст. ст. 1, 3, 4, 17—31 Положения о прокурорском надзоре в СССР.

На наш взгляд, полностью соответствует закону вывод о том, что в ходе судебного разбирательства прокурор осуществляет надзор за законностью. См., например, В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., «Наука», 1971, стр. 8, 9, 12, 14, 17, 18—22, и др.

²⁵ См. главы 20—25 УПК РСФСР.

тельстве); постановить оправдательный приговор; вынести частное определение в связи с нарушением процессуальных прав личности, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия. Вышестоящие суды, проверяя законность и обоснованность обжалованных и опротестованных приговоров (определений, постановлений суда, судьи) проверяют тем самым исполнение лицами, производившими предварительное расследование, прокурором, судом их обязанностей, служащих обеспечению процессуальных прав и законных интересов обвиняемого (и иных участвующих в процессе граждан). Полномочия этих судов дают им возможность: выявлять случаи неисполнения указанных обязанностей; принимать меры к устранению допущенных нарушений прав и законных интересов личности; оказывать превентивное воздействие. Так, кассационная и надзорные инстанции при рассмотрении жалобы либо протеста обязаны проверить все производство по делу в полном объеме; при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона отменить приговор (определение, постановление суда, судьи); дать в пределах, установленных законом, указания, обязательные при дополнительном расследовании и вторичном рассмотрении дела судом. Вышестоящий суд вправе вынести частное определение в связи с нарушением процессуальных прав и законных интересов личности (ст. 355 УПК РСФСР).

г) Подлинно демократическим качеством уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности является поступательный характер их развития; свойственное им возрастание и укрепление. Это полностью соответствует поступательному характеру развития демократизма советского государства²⁶.

Значительным является развитие, укрепление названных гарантий на современном этапе советского государства, в условиях всестороннего развертывания и совершенствования социалистической демократии, укрепления социалистической законности. За период с 1958 по 1962 гг. были приняты столь важные акты, как Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и УПК союзных республик. Новое законодательство способствовало дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуальных норм. Одно из его существенных качеств — возрастание, укрепление гарантий прав и интересов обвиняемого (и других участвующих в судопроизводстве граждан). Важно в связи с этим привлечь внимание к следующему.

Получили дальнейшее развитие принципы советского уголовного процесса. Поскольку они являются подлинно де-

²⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 427.

мократическими, их развитие и совершенствование означает возрастание, укрепление рассматриваемых гарантий. Так, получили дальнейшее совершенствование такие принципы, как независимость судей и подчинение их только закону²⁷; выборность судей и народных заседателей²⁸; участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел²⁹.

Большими полномочиями в судебном разбирательстве наделены общественный защитник и общественный обвинитель, которые являются ныне участниками судебного разбирательства. Признание общественного защитника участником судебного разбирательства, что означает для него равные с обвинителем права на представление доказательств, участие в их исследовании и возбуждение ходатайств,—серьезная гарантия для подсудимого.

Дальнейшее и существенное развитие получил принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. Это достигнуто путем:

а) прямого расширения прав, лично принадлежащих обвиняемому³⁰. Особо отметим возрастание права обвиняемого иметь защитника. С принятием Основ обвиняемый приобрел право иметь защитника и на предварительном следствии;

б) возрастания прав защитника³¹, а равно законодатель-

²⁷ Так, ныне в законе конкретизирована формулировка данного принципа путем включения указания о том, что «судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей» (ст. 10 Основ); четко определены пределы обязательности указаний вышестоящего суда для суда первой инстанции. При этом в основу положено обеспечение независимости судей и подчинение их только закону при рассмотрении дел после отмены первоначального приговора вышестоящим судом (ст. 51 Основ); определен порядок досрочного отзыва судей и народных заседателей, гарантирующий их независимость (см. Положение о порядке досрочного отзыва судей и народных заседателей судов РСФСР от 5 октября 1961 г.).

²⁸ Введен, например, порядок избрания народных заседателей районных (городских) народных судов на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства (ст. 19 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик).

²⁹ Так, ныне во всех союзных республиках в состав суда в распорядительном заседании входят народные заседатели; увеличен срок, на который народные заседатели призываются к исполнению своих обязанностей (две недели в году), и одновременно снижен до двух лет срок избрания народных заседателей районных (городских) народных судов (ст. ст. 19 и 31 Основ законодательства о судостроительстве).

³⁰ Так, в дополнение к правам обвиняемого, которые он имел по УПК РСФСР 1923 г., ныне законом предусмотрены: новые права обвиняемого при назначении экспертизы (ст. ст. 195, 193 УПК РСФСР); комплекс прав обвиняемого, которыми он пользуется в случае применения звукозаписи (ст. 141¹ УПК РСФСР); права обвиняемого при проведении очной ставки (ст. 163 УПК РСФСР); при предъявлении для опознания (ст. 165 УПК РСФСР) и др.

³¹ Ст. 23 Основ; ст. 51 УПК РСФСР.

ным решением вопроса о задачах и обязанностях защитника³². Расширены права законного представителя обвиняемого;

в) возрастания обязанностей суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав (см., например, ст.ст. 48, 98, 141', 154, 376 УПК РСФСР).

Возрастание рассматриваемых гарантий обусловлено усилением на подлинно демократических началах правовой регламентации деятельности суда, прокурора, следователя, органов дознания и, что весьма существенно, действий, остро затрагивающих интересы личности. Так, законом уточнены указания о том, что является основанием применения к обвиняемому и подозреваемому меры пресечения (ст.ст. 89, 96 УПК РСФСР); точно определены основания, при которых лицо становится подозреваемым (ст. 52 УПК РСФСР); конкретизированы основания производства выемки (ст. 167 УПК РСФСР); введена норма, определяющая на имущество каких лиц, в каком объеме и порядке допустим арест (ст. 175 УПК РСФСР). Важное значение имеет возрастание правовой регламентации акта предъявления обвинения: в отличие от УПК РСФСР 1923 г. ныне действующий УПК РСФСР (и УПК других союзных республик) прямо обязывает следователя (лицо, производящее дознание) при предъявлении обвинения разъяснить обвиняемому как сущность обвинения, так и предоставленные ему права (ст.ст. 148, 149 УПК РСФСР); допустить участие защитника (в случаях, указанных законом).

Усилены ныне гарантии обоснованности признания гражданина виновным в совершении преступления: законом четко сформулировано требование бесспорной доказанности виновности как условия, при котором допускается обвинительный приговор. В ст. 43 Основ указано: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана». Возросли гарантии обоснованности привлечения граждан в качестве обвиняемых. Закон содержит требование, чтобы «ни один невиновный не был привлечен» в качестве обвиняемого (ст. 2 Основ). Из этого следует, что основание привлечения гражданина в качестве обвиняемого дает лишь такая совокупность доказательств, при которой виновность гражданина в совершении преступ-

³² Это имеет важное значение для обеспечения деятельности защитника во всех случаях как защитительной; для предотвращения скальзывания ее на обвинительные позиции.

ления является доказанной³³. Предъявление обвинения при вероятности виновности — нарушение закона.

Возрастание уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности (в том числе гарантий обоснованности привлечения в качестве обвиняемого, а также признания по приговору суда виновным) обусловлено и усилением гарантий достоверности процесса доказывания. Это находит выражение, в частности, в следующем:

Усилены гарантии достоверности сведений, являющихся доказательствами. Так, в законе дано четкое, отвечающее этой цели понятие доказательства (ст. 16 Основ); определен (либо уточнен) предмет показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (ст.ст. 74—77 УПК РСФСР); законом усовершенствована процессуальная форма собирания и исследования доказательств, например: определено участие педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, а в допросе несовершеннолетнего свидетеля — и законного представителя; уточнен и детализирован порядок назначения и проведения экспертизы, порядок проведения очной ставки, осмотра, обыска, выемки; установлен порядок следственного эксперимента, применения звукозаписи; предусмотрено усиливающее непосредственность судебного разбирательства решение об оглашении показаний подсудимого, свидетеля, потерпевшего (ст.ст. 397, 159, 184—194, 178—180, 167—174, 183, 141¹, 281, 286, 287 УПК РСФСР).

Возросло требование объективности в деятельности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судей; снижен элемент их личного усмотрения, в том числе в процессе доказывания. Существенно, например, четкое определение предмета доказывания законом; закрепление им требования всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как обязанности, возложенной в равной мере на суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание.

Возрастание уголовно-процессуальных гарантий сопряжено также с тем, что принятое уголовно-процессуальное законодательство усовершенствовало взаимоотношения государственных органов в уголовном судопроизводстве. В этом отношении важное значение имеет: установление процессуальной самостоятельности следователя (ст. 30 Основ), что повысило ответственность следователя за право-

³³ Исходя из приведенного требования ст. 2 Основ следует оценивать мнение некоторых процессуалистов о том, что вероятность виновности достаточна для предъявления обвинения.

Мы полагаем, что такая позиция не согласуется с данным требованием. Она отстаивается, например, Р. Д. Рахуновым (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., Госюриздат, 1961, стр. 193—195).

мерность принимаемых им решений и вместе с тем содействовало усилению надзора прокурора за законностью предварительного следствия; четкое определение пределов указаний, которые вышестоящий суд вправе давать суду первой инстанции (ст. 51 Основ). Это усилило гарантии решения дела при его новом рассмотрении на основе непосредственного исследования судом доказательств, их оценки по своему внутреннему убеждению в строгом соответствии с законом.

Укреплению рассматриваемых гарантий способствует дальнейшее расширение участия общественности в советском уголовном процессе.

Нормативные акты, принятые после введения в действие Основ уголовного судопроизводства и УПК союзных республик, также в целом идут по пути развития и совершенствования уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности. Так, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г.³⁴, установив обязательность предварительного следствия по делам о ряде преступлений, по которым до этого расследование могло заканчиваться дознанием, расширил тем самым право обвиняемого иметь защитника. (При дознании защитник не участвует). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г.³⁵ и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г.³⁶: а) участие защитника на предварительном следствии стало возможным с момента предъявления обвинения по постановлению прокурора по любому уголовному делу; б) расширен круг дел, по которым на предварительном следствии по закону участие защитника обязательно. К ним дополнительно отнесены дела: лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь (участие защитника обязательно с момента выполнения ст. 201 УПК РСФСР)³⁷. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. ввел коллегиальное (распорядительным заседанием суда) решение вопроса о предании суду по делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь.

Все эти меры содействуют дальнейшему укреплению законности в уголовном судопроизводстве; укреплению

³⁴ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, № 50, ст. 1243.

³⁵ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, № 36, ст. 362.

³⁶ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 6, ст. 51.

³⁷ До принятия названного Указа участие защитника по данным делам являлось обязательным (по УПК РСФСР) в судебном разбирательстве.

уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности.

Развитие советского уголовно-процессуального законодательства дает основание для вывода о том, что возрастание, усиление уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого (равно потерпевшего и других вовлекаемых в уголовное судопроизводство граждан) есть объективная закономерность, необходимое и объективное качество названного законодательства. Это коренным образом отличает социалистическое право от уголовно-процессуального права капиталистических государств³⁸.

При несомненности поступательного развития уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности этот процесс в Советском государстве шел не только по прямой линии.

Отступления от общей тенденции возрастания названных гарантий диктовались в определенной общественно-политической обстановке необходимостью защиты интересов Советского государства; были объективно оправданы. Так, в революционных трибуналах обвиняемые пользовались процессуальными гарантиями. Им было предоставлено право кассационного обжалования³⁹. Однако в 1920 г., в условиях, когда ряд губерний был объявлен на военном положении, губерньским революционным трибуналам предоставили право входить с представлениями о непропуске кассационных жалоб и ходатайств о помиловании осужденных к расстрелу. Такое право имели названные трибуналы, действовавшие в местностях, объявленных на военном положении, а также, на которых распространялась власть революционных военных советов фронта. Трибунал мог использовать данное право, признав, что в силу «безусловной ясности дела, тяжести совершенного деяния и политической обстановки, в коей находится данная губерния, приговор требует немедленного исполнения». С переходом страны к мирному хозяйственному строительству указанное ограничение права осужденных на кассационное обжалование и возбуждение ходатайств о помиловании было устранено⁴⁰.

В области советского уголовно-процессуального права принимались, однако, и такие решения, сужавшие права обвиняемого, которые, на наш взгляд, не вызывались объектив-

³⁸ См. С. Боботов. Чрезвычайная юстиция во Франции. «Социалистическая законность», 1964, № 2, стр. 72—75; К. Ф. Гуценко. Уголовный процесс основных капиталистических государств. М., Изд-во Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы, 1969; «Чрезвычайное законодательство ФРГ». Под ред. В. М. Чхиквадзе. М., «Юридическая литература», 1970.

³⁹ СУ РСФСР 1918 г., № 45, ст. 545; СУ РСФСР 1919 г. № 13, ст. 132; СУ РСФСР 1920 г. № 22—23, ст. 115. Приговоры Верховного трибунала при ВЦИК кассационному обжалованию не подлежали.

⁴⁰ СУ РСФСР 1922 г., № 11, ст. 102.

ными причинами. Таковы ограничения права подсудимого на кассационное обжалование, принятые в 1928 и 1930 гг. под влиянием взглядов о необходимости упрощения уголовного процесса (кассационное обжалование не допускалось при осуждении за менее серьезные преступления и назначении мягких мер наказания)⁴¹. Эти ограничения были отменены в 1933 и 1936 гг.⁴²

В 1934 и 1937 гг. были приняты нормативные акты, в соответствии с которыми по делам о террористических организациях, террористических актах, контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвиняемые были лишены ряда существенных гарантий. Так, было устранено право кассационного обжалования приговоров, установлен сокращенный срок вручения копии обвинительного заключения, а по делам о террористических организациях и террористических актах подсудимых лишили также права на защитника⁴³. Это способствовало нарушению прав личности. Одним из мероприятий партии и правительства по устранению нарушений социалистической законности и ее укреплению явилась отмена указанных актов⁴⁴.

Тот факт, что решения, ограничивающие уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности, носили временный характер, а возрастание, усиление таких гарантий является постоянным, общим свойством развития советского уголовно-процессуального права, подтверждает вывод о том, что объективным качеством данных гарантий в условиях социализма является их развитие, усиление и возрастание.

Все более глубокая, последовательная реализация в нормах советского уголовно-процессуального права идеи обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, — важный фактор укрепления законности в уголовном процессе.

Развитию советского уголовно-процессуального законодательства (после принятия УПК РСФСР 1960 г. и УПК других союзных республик) свойственно последовательное сокращение круга дел о преступлениях, расследование которых

⁴¹ См. ст. 347 УПК РСФСР в редакции 1928 г. (СУ РСФСР 1928 г. № 139, ст. 908), а также постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. (СУ РСФСР 1930 г. № 51, ст. 627).

⁴² СУ РСФСР 1933 г. № 42, ст. 160; СУ РСФСР 1937 г. № 13, ст. 136.

⁴³ СЗ СССР 1934 г. № 64, ст. 459; СУ РСФСР 1935 г. № 2, ст. 8; СЗ СССР 1937 г. № 61, ст. 266; СУ РСФСР 1938 г. № 3, ст. 38.

⁴⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 г. «Об отмене Постановления Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» и постановлений ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1956, № 9, ст. 193).

может производиться до конца путем дознания. Это ведет к возрастанию уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, поскольку дознание имеет отличия, ограничивающие эти гарантии (ст. 120 УПК РСФСР). Мы разделяем мнение юристов, считающих, что от таких ограничений следует отказаться. При этом мы учитываем следующее. Как при производстве предварительного следствия, так равно и на дознании гражданина обвиняют в совершении преступления. Такое обвинение требует надежных гарантий защиты от него, включая возможность иметь защитника. Потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик тоже должны пользоваться всей полнотой прав, безотносительно к тому, ведется ли по делу предварительное следствие или дознание.

26 июля 1966 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», в соответствии с которым было введено упрощенное (см. раздел девятый УПК РСФСР) производство по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 206 УПК РСФСР. (Важно отметить, что упрощения не коснулись судебного разбирательства и последующих стадий процесса.) Введенное по данным делам производство предусматривает ряд гарантий прав и законных интересов лиц, привлекающихся к уголовной ответственности. Однако они меньше, чем при обычном порядке производства по уголовным делам. В настоящее время ряд процессуалистов ставят вопрос об отказе от упрощенного производства по названным делам. Это обосновывается в том числе тем, что при применении по данным делам указанного порядка участились случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности⁴⁵. Представляется, что мнение о целесообразности восстановления по делам о хулиганстве обычного порядка производства заслуживает поддержки⁴⁶.

Особо существенны для обеспечения прав и законных интересов личности в советском уголовном судопроизводстве конституционные гарантии. К ним относятся такие подлинно демократические начала: осуществление правосудия только судом; рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей кроме случаев, специально предусмотр-

⁴⁵ См. И. Л. Лисагор. Развитие и совершенствование уголовно-процессуального законодательства в Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 9; В. Д. Арсеньев отмечает недостаточность (по таким делам) гарантий законности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, что способствует необоснованным арестам. «Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова», т. 88, сер. юридическая, вып. 10, часть 4, 1970, стр. 70.

⁴⁶ См., например, Д. С. Карев. УПК РСФСР 1960 г. и его дальнейшее совершенствование. «Вестн. Моск. ун-та», сер. право, 1971, № 4, стр. 24.

ренных законом; выборность судов; надзор Верховного Суда СССР за судебной деятельностью судебных органов СССР, а также судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом; ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке; открытое разбирательство дел во всех судах СССР, поскольку законом не предусмотрены исключения; обеспечение обвиняемому права на защиту; независимость судей и подчинение их только закону; надзор Генерального прокурора СССР за точным исполнением законов в уголовном процессе; неприкосновенность личности; неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки.

Закрепление того или другого положения в Конституции СССР имеет в силу особого авторитета конституционных норм серьезное превентивное воздействие, служит предупреждению нарушения данных требований со стороны должностных лиц и граждан.

4

Решения, закрепленные советским уголовно-процессуальным правом, служащие обеспечению возможности осуществления и охране прав и законных интересов личности в советском уголовном судопроизводстве, имеют своей основой положения, разработанные В. И. Лениным⁴⁷. Проникнутые глубоким гуманизмом, уважением к правам личности, заботой об их охране, о неприкосновенности социалистической законности, ленинские идеи служат руководящими в процессе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности и теоретической разработки данной проблемы. Исследование этих идей — предмет самостоятельной и важной работы. Мы ставим целью привлечь внимание к некоторым указаниям В. И. Ленина, важным для обеспечения прав граждан в уголовном судопроизводстве.

а) Для социальной ценности прав, которыми наделен гражданин, в том числе для уголовно-процессуальных, существенна их фактическая осуществимость. В. И. Ленин писал: «Гарантировать неприкосновенность личности... возможно будет только тогда, когда в издании законов и во всем государственном управлении будут участвовать *народные пред-*

⁴⁷ См. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970; В. И. Ленин о законности и правосудии. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 11. М., «Юридическая литература», 1970; В. М. Чхиквадзе. Государство — демократия — законность. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 423—433.

ставители⁴⁸. Социалистический характер общественных отношений — условие реального обеспечения прав личности. Советское уголовное судопроизводство, следовательно, может в силу своей социалистической сущности обеспечить успешное решение проблемы охраны процессуальных прав и законных интересов граждан. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы умело использовать возможности, заложенные в советском уголовно-процессуальном праве, развивать их, не допускать отступления от норм закона, ущемления прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе граждан: обвиняемого, подозреваемого и других. Важно также умелое использование всей системы гарантий социалистической законности в целях надежного обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве; совершенствование и дальнейшее развитие этих гарантий.

Из приведенного указания В. И. Ленина следует также, что необходимый путь охраны прав и законных интересов личности в уголовном процессе — широкое привлечение народных представителей к деятельности суда и органов предварительного расследования. В связи с этим для обеспечения процессуальных прав граждан существенно дальнейшее совершенствование института народных заседателей, а также других форм участия общественности, например общественных защитников. Важно также расширять, многообразить пути и формы привлечения общественности к уголовному судопроизводству.

б) Охрана прав и законных интересов граждан в уголовном процессе достигается строгим исполнением всех требований закона. В. И. Ленин неизменно требовал строжайшего соблюдения социалистической законности, в том числе — в деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел. В. И. Ленин обосновал обязанность прокурора следить за установлением единообразного понимания законности, «несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям», а также обязанность судов «абсолютно соблюдать ... законы»⁴⁹.

Из этих ленинских указаний вытекает абсолютная недопустимость отступлений от требований закона в интересах якобы наиболее быстрого и целесообразного разрешения уголовного дела; обязанность единообразного в строгом соответствии с правовыми нормами их применения при расследовании и разрешении уголовных дел. Этим и достигается обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном процессе.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 368.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198.

в) Неоценима заслуга В. И. Ленина в обосновании необходимости руководящей роли Коммунистической партии в советском обществе⁵⁰. При этом, В. И. Ленин высоко оценивал значение партийного руководства и контроля как гарантии социалистической законности⁵¹.

Партийное руководство и контроль имеют существеннейшее значение для обеспечения законности в уголовном судопроизводстве; для обеспечения прав и законных интересов личности.

г) Действенным фактором обеспечения прав и законных интересов личности является социалистическое правосознание, для которого органично уважение к правам гражданина. Большая заслуга в формировании такого правосознания принадлежит В. И. Ленину.

В своих теоретических работах, а также личным примером В. И. Ленин последовательно учил, что нарушение прав гражданина нельзя рассматривать как «мелочь» и оставлять безнаказанным. Ограничимся лишь одним примером. В сложнейших условиях, существовавших в стране в начале 1919 г., к В. И. Ленину поступила жалоба от Рабкина, управляющего аптекой, на конфискацию у него велосипеда Желдорчека. Кто-то мог легко отнести это к «мелочам», но В. И. Ленин, решавший по должности вопросы общегосударственной важности, телеграфировал Жлобинской железнодорожной чрезвычайной комиссии: «Немедленно расследуйте строго и проверьте. Телеграфируйте; если нет особых или военных причин, то за конфискацию велосипеда будете наказаны»⁵². Один лишь этот пример из ленинского наследия влечет ряд выводов, имеющих принципиальную важность для обеспечения прав и законных интересов личности: недопустимо никакое нарушение прав граждан. В деле строжайшего соблюдения прав гражданина нет мелочей; каждый факт такого нарушения, каждая жалоба обязательно требуют проверки; эта проверка должна быть оперативной; результаты проверки сигнала о нарушении прав личности необходимо контролировать; случаи нарушения прав личности не должны оставаться безнаказанными.

Для обеспечения прав и законных интересов личности важно воспитание, прежде всего, у должностных лиц чувства уважения к действиям гражданина, отстаивающего свои права и законные интересы. Несомненно, например, что недоброжелательный настрой следователя, судьи к самому факту активного использования защитником, обвиняемым их прав психологически подготавливает возможность ущемления ими

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240; т. 41, стр. 402; т. 41, стр. 404.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 200.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 285.

прав и законных интересов обвиняемого. В связи с этим нужно постоянно помнить, что В. И. Ленин считал необходимым учить граждан *«воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за право»*⁵³.

Поскольку в условиях социалистической демократии «война» граждан за свои права должна поддерживаться, следовательно, прокурор, суд несут обязанность содействовать гражданам в осуществлении их процессуальных прав. Важность этого для обеспечения реальности названных прав граждан несомненна.

Особого внимания заслуживает отношение В. И. Ленина к праву граждан на жалобу, которое служит одной из действительных гарантий прав личности. В. И. Ленин обосновал общественно-политическое значение права жалобы⁵⁴; он расценивал право на жалобу как неотъемлемое право гражданина, что проявлялось и в его требовании применения суровых мер к лицам, преследующим граждан за использование этого права. В телеграмме Новгородскому губисполкому В. И. Ленин писал: «По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела. Почему не ответили тотчас на мой запрос?»⁵⁵. В. И. Ленин признавал необходимым *«обязательно»* приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам⁵⁶.

Советское уголовно-процессуальное законодательство признает право каждого участвующего в деле гражданина обжаловать действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда (ст. 22 УПК РСФСР). Право на жалобу широко предоставлено обвиняемому. К судьям, прокурорам, следователям, лицам, производящим дознание, предъявляется требование своевременного и тщательного рассмотрения жалоб граждан. Такая задача расценивается как имеющая политическое значение⁵⁷.

д) Для обеспечения прав гражданина в уголовном процессе особо ответственно требование обоснованности предъ-

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 149.

⁵⁴ См. В. Чхиквадзе. Социалистическая демократия, культура и правопорядок. «Социалистическая законность», 1970, № 1, стр. 9.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 318.

⁵⁶ Там же, стр. 224.

⁵⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 декабря 1963 г. «О мерах по дальнейшему улучшению рассмотрения жалоб и заявлений граждан по судебным делам» и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 марта 1968 г. «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 декабря 1963 г. «О мерах по дальнейшему улучшению рассмотрения жалоб и заявлений граждан по судебным делам». «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.», М., «Известия», 1970, стр. 12—17; 17—20.

явленного обвинения; недопустимости привлечения к ответственности невиновных. В. И. Ленин последовательно отстаивал необходимость доказанности, обоснованности выдвигаемого против гражданина обвинения. Утверждение о допустимости бездоказательственного обвинения В. И. Ленин признал нелепостью⁵⁸.

Обоснованность обвинения — принципиальное требование советского уголовно-процессуального закона⁵⁹; одна из основных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. В соответствии со ст. 2 Основ ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден.

е) Интересы личности могут быть защищены, если основу выводов следователя, прокурора, суда составляют не предположения, но факты, причем не случайно выхваченные, а взятые в их совокупности. «Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь». Продолжая, В. И. Ленин пишет: «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения»⁶⁰.

Защита прав и законных интересов личности требует тщательного, без предвзятости исследования конфликтной ситуации. В связи с полученной им жалобой на арест, В. И. Ленин в телеграмме Тамбовскому губисполкому писал: «Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте»⁶¹.

Эти указания В. И. Ленина воплощены в нормах советского уголовно-процессуального права, в том числе в тех, которые обязывают суд, прокурора, лиц, производящих расследование, исследовать обстоятельства дела всесторонне, полно, объективно; оценивать доказательства в их совокупности; принимать в качестве доказательств лишь фактические данные, полученные в установленном законом порядке (ст.ст. 14, 16, 17 Основ).

Важным условием обеспечения законных интересов обвиняемого, подозреваемого (а также гражданского истца, гражданского ответчика) является установление истины по делу. Ценнейшее значение в этой связи имеют философские работы

⁵⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 410; см. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 157; т. 45, стр. 104; т. 50, стр. 26; т. 53, стр. 196.

⁵⁹ Ст. 2 Основ; ст. ст. 2, 143, 144 УПК РСФСР.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.

В. И. Ленина, в которых он защищал и развивал материалистическое понимание истины, доступность ее человеческому познанию. Советское уголовно-процессуальное законодательство в соответствии с марксистской теорией познания обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, суд устанавливать истину по расследуемым и разрешаемым уголовным делам (см. ст. 2 Основ).

ж) Борьба с преступностью связана с применением принудительных мер к обвиняемым, подозреваемым (и некоторым другим вовлекаемым в уголовное судопроизводство гражданам). Такие меры серьезно затрагивают интересы личности, рождая опасность неоправданного стеснения этих интересов.

В. И. Ленин учил максимальной осторожности, обдуманности, обоснованности в применении мер принуждения, особенно ареста. Он рассматривал арест как меру, применение которой оправдано при условии, что другими мерами ограничиться нельзя⁶². Такая позиция В. И. Ленина находится в связи с его учением о сочетании мер убеждения и принуждения при социализме, с его выводом о том, что в условиях пролетарской, социалистической демократии принуждение необходимо, но не оно, а убеждение является основным в решении задач советского государства⁶³. Советское уголовно-процессуальное законодательство следует этим ленинским идеям, в том числе в решении вопроса об основаниях и порядке применения мер пресечения.

з) Защищенность прав и законных интересов гражданина несовместима с формальным применением закона. Она требует правильности решений по существу. На X Всероссийской конференции РКП(б) В. И. Ленин осудил случаи, когда советский гражданин в ответ на свое обращение получает нечто формально правильное, а по сути издевательство⁶⁴. Формализм по отношению к правам и законным интересам личности — проявление бюрократизма, с которым В. И. Ленин призывал решительно бороться⁶⁵.

Советское уголовно-процессуальное право предъявляет к решениям, принимаемым следователем, прокурором, судом требование как законности, так и обоснованности, правильности по существу (см., например, ст. 43 Основ). Недопустимость формального исполнения закона во взаимоотношениях с гражданами пронизывает все советское уголовно-процессуальное право. Так, на лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, суд возлагается обязанность разъяснить гражданам, участвующим в уголовном деле, их

⁶² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 215—216, 244, 255—257; т. 51, стр. 109; т. 52, стр. 178—179; стр. 244.

⁶³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 139—140.

⁶⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 328.

⁶⁵ См. там же.

права и обеспечить возможность их осуществления; мотивировать принимаемые решения и доводить их до сведения заинтересованных граждан и др.

и) При исследовании проблемы гарантий прав личности в уголовном процессе необходимо привлечь внимание к следующему.

В. И. Ленин с глубочайшим уважением относился к правам советского гражданина, требовал этого уважения от других, воспитывал его. Но вместе с тем В. И. Ленин, отстаивая неприкосновенность социалистической законности, признавал необходимым, чтобы каждый гражданин исполнял свои обязанности и не допускал злоупотребления предоставленными ему правами. Сошлемся в связи с этим на работу В. И. Ленина «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов». Эти тезисы предусматривали действенную гарантию прав граждан: их право требовать составления протокола и сообщения им его копии в случае обжалования волокиты и т. п. Но одновременно и вместе с этим в тезисе V В. И. Ленин предусмотрел: «За явно неосновательное, грубым злоупотреблением являющееся, требование протокола грозит преследование по суду»⁶⁵.

В советском уголовном процессе каждый следователь (лицо, производящее дознание), прокурор, судья несут обязанность тщательно соблюдать процессуальные права личности, содействовать их осуществлению. Вместе с этим они обязаны пресекать «проявления недобросовестного использования этих прав с целью помешать установлению истины по делу и принятию обоснованного и объективного судебного решения»⁶⁷. Попустительство таким злоупотреблениям ставило бы под угрозу решение задач советского уголовного судопроизводства. В советском уголовном процессе, как и в иных сферах государственной и общественной деятельности, наряду с обеспечением прав граждан к ним предъявляется требование добросовестного, тщательного исполнения своих обязанностей.

к) В суде, у прокурора, следователя происходит непосредственная встреча гражданина с законом. Советский закон демократичен, гуманен по своему существу. Важно, чтобы и встреча с ним была демократичной, гуманной. Даже правильное по содержанию решение, защищающее интересы гражданина, способно принизить, умалить советский закон в сознании данного гражданина, если принятие этого решения сопровождалось со стороны должностного лица окриком,

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 130.

⁶⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1971 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС», п. 2. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 7.

грубостью, неуважением к личности гражданина, в том числе и обвиняемого. Это абсолютно недопустимо, ибо укрепление социалистической законности, профилактика ее нарушений связаны с воспитанием чувства уважения к закону у каждого гражданина.

Все это определяет важность формы общения лиц, производящих расследование, прокурора, судей с участвующими в уголовном процессе гражданами. В работе «Ответ на открытое письмо специалиста» В. И. Ленин признает, что следует карать за грубость, оскорбления, желание поиздеваться, даже если действовавшее должностное лицо по существу было право⁶⁸. В. И. Ленин писал, что представитель власти обязан вести себя с выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый⁶⁹.

Все эти заветы В. И. Ленина необходимо помнить и пропагандировать. По мере роста образования, культуры масс форма отношения должностного лица к гражданину будет оказывать все большее влияние на возможность успешного решения задач, возложенных на это должностное лицо, тем более таких психологически сложных, какими являются задачи, решаемые при расследовании и разрешении уголовных дел.

Идеи В. И. Ленина об охране прав личности лежат в основе относящихся к данной проблеме решений ЦК КПСС и Советского правительства. Все возрастающее обеспечение прав и законных интересов советских граждан, в том числе в области уголовного судопроизводства, — одна из основ политики ЦК КПСС и Советского правительства⁷⁰.

Значительным вкладом в обеспечение прав и законных интересов граждан являются решения XXIV съезда КПСС. На съезде было признано: «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа»⁷¹.

⁶⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 221.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 358.

⁷⁰ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 106.

⁷¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 81.

СВЯЗЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ С ИНЫМИ ВИДАМИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ГРАЖДАН

I

Будучи элементом правовых гарантий прав личности, рассматриваемые уголовно-процессуальные гарантии связаны с иными правовыми и другими видами гарантий законности прав граждан¹.

Вопрос о классификации гарантий прав граждан, равно как и социалистической законности, в целом не бесспорен². Представляется обоснованным выделять экономические, политические, идеологические, юридические (правовые) гарантии.

¹ А. В. Мицкевич правильно отметил, что гарантии законности охватывают и гарантии прав граждан («Советское государство и право», 1963, № 8, стр. 27).

² Так, проф. Н. Г. Александров различает материальные (экономические), политические и юридические гарантии законности (Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госиздат, 1961, стр. 229). Дополняют эту классификацию идеологическими гарантиями А. И. Делешкин (А. И. Делешкин. Курс советского государственного права, т. I. М., Госиздат, 1961, стр. 524); А. В. Мицкевич («Советское государство и право», 1963, № 8, стр. 27). См. также «Марксизм-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия». М., «Юридическая литература», 1970, стр. 518. Помимо названных выделяют организационные гарантии. С. С. Алексеев (С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. I. Свердловск, 1963, стр. 200); П. Е. Недбайло. (Юридические

Чем шире, демократичнее правовые средства, направленные на обеспечение осуществления и защиту прав личности, тем надежнее «вооружена» личность в защите своих прав и интересов.

Однако наличие даже значительной системы правовых, в том числе уголовно-процессуальных, средств обеспечения возможности осуществления и охраны прав и законных интересов граждан необходимо, но еще недостаточно для того, чтобы эти права и интересы были надежно ограждены. «...Мало выработать хороший закон, мало его принять. Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»³.

Реализация указанных уголовно-процессуальных средств достигается при их взаимодействии со всеми видами гарантий социалистической законности: «...реальность самих по себе гарантий обеспечения прав и свобод граждан, закрепленных в законодательстве, зависит от тех политических и экономических условий, при которых они существуют»⁴. Справедливо было отмечено, что экономические, политические, юридические и другие гарантии неразрывно связаны. «Дополняя друг друга, они только в своей совокупности создают максимальную возможность для наиболее полной, всесторонней и фактической реализации, охраны и защиты прав граждан»⁵.

Не умаляет ли это необходимость правовых, в частности уголовно-процессуальных, гарантий прав и законных интересов личности? Нет.

Наличие социалистических экономических и политических отношений само по себе при отсутствии или недостаточности правовых средств защиты прав личности не может надежно ограждать эти права⁶. Существен тот факт, что Программа

гарантии правильного применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции. Киев, 1970, стр. 2); В. Патюлин («Советская юстиция», 1971, № 16, стр. 4); П. Т. Васьков различает экономические, идеологические, политические, юридические и общественные гарантии законности («Основы теории государства и права». Под ред. С. С. Алексеева. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 307).

³ Л. И. Брежнев. Речь перед избирателями. «Известия», 12 июня 1970 г.

⁴ Д. А. Керимов, Е. М. Чехарин. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 236 (разрядка моя.—Э. К.). См. также В. М. Чхиквадзе. Государство — демократия — законность. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 405.

⁵ В. Патюлин. Личность, ее права и обязанности в советском обществе. «Советская юстиция», 1971, № 16, стр. 5.

⁶ П. Е. Недбайло обоснованно критиковал вывод о том, что материальные и политические гарантии сами по себе обеспечивают точное и неуклонное существование законов («О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм». «Советское государство и право», 1957, № 6, стр. 20). См. также М. С. Строгович. Основные вопросы социалистической законности. М., «Наука», 1966, стр. 179.

КПСС ставит задачу дальнейшего совершенствования правовых норм и развития прав граждан⁷. Чем совершеннее система правовых гарантий, тем эффективнее действие экономических, политических и других средств обеспечения законности, прав личности.

Закономерностью развития уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в условиях социалистической демократии является возрастающая их обеспеченность совокупностью гарантий социалистической законности.

Взаимосвязь названных уголовно-процессуальных гарантий с другими правовыми и иными видами гарантий прав граждан, гарантий социалистической законности сложна и многогранна. Не ставя целью исследование всей этой проблемы, привлечем внимание к некоторым ее аспектам, существенным для достижения реальности, присущей уголовно-процессуальным гарантиям прав и законных интересов личности в Советском государстве.

2

Фактическое значение названных гарантий, как и иных правовых, зависит прежде всего от экономических гарантий, от господствующих в обществе производственных отношений⁸.

Обострение противоречий, обусловленное капиталистическими производственными отношениями, влечет разложение буржуазной законности; умаление, фактического значения тех гарантий личности, которые предусмотрены законодательством капиталистических государств⁹.

В условиях социализма развитие производственных отношений предопределяет необходимость укрепления социалистической законности, элементом которой является обеспечение прав и законных интересов личности. Этот процесс убедительно вскрыл В. И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 105—106.

⁸ Понятие экономических, а также политических гарантий прав личности дано, например, А. И. Лепешкиным (А. И. Лепешкин. Курс советского государственного права, т. 1, стр. 524—526).

⁹ Процесс разложения, размывания буржуазной законности не следует представлять упрощенно. См. об этом, например, «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права». М., «Юридическая литература», 1971, стр. 423—427.

гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»¹⁰.

Социалистическая экономика — плановая; социалистические производственные отношения могут успешно развиваться только в условиях законности. Это с необходимостью порождает политические, государственно-правовые меры, направленные на укрепление законности, в том числе в области уголовного судопроизводства.

Укрепление законности, обеспечение процессуальных прав и законных интересов личности — необходимое свойство советского уголовного процесса. Оно присуще ему как части единого целого, как одной из сфер деятельности советского государства.

В свою очередь законность уголовного судопроизводства (включающая охрану прав и законных интересов личности) является условием, при котором уголовный процесс может служить защите от преступных посягательств социалистической системы хозяйства и социалистической собственности; развитию и укреплению социалистических производственных отношений.

3

Фактическое значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, включая обвиняемого, подозреваемого зависит и от политической организации общества, в соответствии с которой такие гарантии могут быть равны и не равны для обвиняемых (и других вовлекаемых в процесс граждан); они могут быть реальны и формальны, фиктивны.

Уголовно-процессуальные гарантии прав личности, предусмотренные буржуазным правом, разделяют качества, присущие буржуазной демократии, в том числе — ее формализм, фактическое неравенство. «Буржуазная демократия, торжественно провозглашавшая равенство всех граждан, на деле лицемерно прикрывала господство эксплуататоров-капиталистов, обманывая массы мыслью о том, будто возможно на деле равенство эксплуататора с эксплуатируемыми»¹¹. В уголовном судопроизводстве капиталистических государств возможность использования рассматриваемых гарантий находится фактически в зависимости от классовой принадлежно-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 329. Анализ зависимости фактического значения правового акта от экономических и политических отношений дан В. И. Лениным в докладе на VII Московской губпартконференции (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 200—202).

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 91.

сти гражданина, его имущественного положения, политических взглядов, национальной, расовой принадлежности. Неравенство данных гарантий предопределяется и господствующими в капиталистическом обществе взглядами, согласно которым сама ценность личности определяется наличием у этой личности капитала. «Буржуазному строю,— по словам М. И. Калинина,— присуща защита человека не как человека, а денежного мешка этого человека...»¹².

Демократия становится реальной после перехода государственной власти в руки рабочего класса¹³. В соответствии с этим в условиях социалистической демократии нет необходимости корректировать значение предусмотренных уголовно-процессуальным правом гарантий прав личности применительно к социальному, должностному положению, национальной и расовой принадлежности субъекта данных процессуальных прав и обязанностей.

Обусловленная существующими при социализме экономическими и политическими отношениями реальность принципа осуществления правосудия на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания (ст. 8 Основ) — существеннейшая гарантия реальности всех уголовно-процессуальных средств защиты прав и законных интересов обвиняемого и иных участников процесса.

Поэтому вызывает возражение позиция правоведов, которые при исследовании гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, а равно раскрывая социалистический демократизм советского правосудия не рассматривают названный принцип¹⁴.

В соответствии с данным принципом все граждане, выступающие в одинаковом процессуальном качестве, т. е. все обвиняемые, потерпевшие и др., пользуются равными процессуальными правами; несут одинаковые обязанности. Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, в равной мере обязаны защищать права и законные интересы каждого участвующего в уголовном процессе гражданина; все граждане подлежат уголовной ответствен-

¹² М. И. Калинин. Избранные статьи и речи. Воспоминания. Калининград, 1970, стр. 139.

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 217.

¹⁴ «Демократические основы советского социалистического правосудия». М., «Наука», 1965, стр. 3—64, 233—271.

Данный принцип анализируется, например, в работах: М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960, стр. 51—53; Т. Н. Добровольская. Принципы советского уголовного процесса. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 80—99; Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970, стр. 104—108.

ности на равных, установленных законом основаниях.

Равенству граждан перед законом и судом большое значение придавал В. И. Ленин.

Важно в связи с этим привлечь внимание к следующему. В циркуляре ЦК РКП(б) от 16 июня 1921 г. о взаимоотношениях партийных и судебно-следственных учреждений содержался, в частности, § 4, который устанавливал обязательность для судебных властей освобождения на поруки привлеченных к суду коммунистов под персональное поручительство лиц, уполномоченных парткомами¹⁵. В. И. Ленин в своей записке от 14 ноября 1921 г. признал § 4 (а также § 5) вредным¹⁶. Возвращаясь к этому вопросу, в записке от 19 ноября 1921 г. В. И. Ленин пишет: «(1) Надо, по-моему, отметить § 4.

(2) — усилить *судебную* ответственность коммунистов»¹⁷.

4 января 1922 г. был принят новый циркуляр ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями». В этом циркуляре отмечалось, что пролетарский суд является единым и указывалось, что «каждый коммунист за все свои проступки, нарушающие законы республики подлежит и суду общегосударственному и суду партийному... каждый член партии, совершивший общегражданский проступок, подлежит суду Народного Суда или Ревтрибунала по подсудности дела, на общих со всеми гражданами основаниях»¹⁸.

В соответствии с рассматриваемым принципом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила оправдательный приговор по делу П., указав, что действия П. неправильно расценены судом как служебное упущение (а не преступление) и что привлечение П. к партийной ответственности не может служить основанием для вынесения в отношении его оправдательного приговора¹⁹. Верховный Суд СССР направляет судебную практику по пути последовательного соблюдения принципа равенства граждан перед законом и судом²⁰.

Важное значение для осуществления равенства всех граждан перед законом и судом имеет обеспечение переводчиком лиц, не владеющих языком, на котором ведется производст-

¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 563.

¹⁶ См. там же, стр. 243.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Справочник партийного работника», 1922, вып. II, стр. 177.

¹⁹ «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 7, стр. 10.

²⁰ Отметив, что суды в некоторых случаях отступают от принципа равенства всех граждан перед законом и перед судом независимо от их служебного и общественного положения, Пленум Верховного Суда СССР указал на недопустимость этого. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.», М., «Известия», 1970, стр. 253.

во по уголовному делу. Показательно в этом отношении дело М. и др. Основанием для его возвращения на новое предварительное расследование послужило то, что обвиняемым, недостаточно владевшим русским языком, не был предоставлен переводчик и поэтому не была обеспечена возможность полного использования своих прав. Прокурор, не согласившись с этим, привел в частном протесте ряд доводов для опровержения такого вывода, в том числе: обвиняемый М., армянин по национальности, на предварительном следствии заявил, что в переводчике не нуждается и желает давать показания на русском языке; до призыва на военную службу он жил и работал в г. Донецке; женился на девушке, не владеющей армянским языком, и в общении с людьми разговаривал только на русском языке. Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест, отклонила его, признав, что «суд, выслушав непосредственно в судебном заседании М-на и М-ва, убедился, что они не настолько владеют русским языком, чтобы могли полностью понять и уяснить без помощи переводчиков смысл всех материалов дела».

О том, что М-н и М-ов недостаточно владеют русским языком, свидетельствуют и имеющиеся в деле материалы. Так, М-н при допросе его 12 мая свои показания записал собственноручно на армянском языке. В судебном заседании он пояснил, что читать рукописный текст на русском языке не может.

Протоколы допросов М-на и М-ва в качестве обвиняемых ими лично не читались, а были оглашены помощником прокурора...»²¹.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, как мы видим, требовательно подошла к вопросу об обеспечении обвиняемых переводчиком, признав его участие необходимым, если обвиняемые «не настолько владеют русским языком, чтобы могли полностью понимать и уяснять без помощи переводчика» смысл всех материалов дела (разрядка моя.— Э. К.). Такая позиция суда отвечает задаче обеспечения реальности прав обвиняемому.

Существует мнение, что принцип равенства граждан перед законом и судом «обуславливает процессуальное равенство участников уголовного судопроизводства по представлению доказательств и участию в их исследовании, заявлению ходатайств»²².

Мы не разделяем такого мнения. Для названного принципа существенно, что его действие не ограничено той либо другой группой граждан, а также сферой их действия. Процессуальное же равенство (ст. 38 Основ) присуще лишь

²¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 27—28.

²² «Научно-практический комментарий УПК РСФСР». М., «Юридическая литература», 1970, стр. 28.

ограниченному кругу лиц и в строго определенной области их деятельности. Если рассматриваемый принцип, свойственный всем без исключения стадиям советского уголовного процесса, обуславливает процессуальное равноправие, нельзя объяснить, почему данное начало действует лишь на одной стадии процесса.

В системе политических гарантий социалистической законности, прав граждан (в том числе, в уголовном процессе) очень важное значение имеет руководящая роль коммунистической партии в социалистическом обществе.

Об особой важности руководящей роли КПСС для обеспечения прав граждан свидетельствует тот факт, что период строительства коммунизма характеризуется дальнейшим возрастанием роли и значения Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества²³; одним из важнейших требований КПСС является укрепление социалистической законности, всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан²⁴. Необходимость повышения руководящей роли партии, дальнейшего укрепления социалистической законности признана XXIV съездом КПСС²⁵.

Высоко оценивал значение партийного руководства и контроля как гарантии законности В. И. Ленин. Так, в известной работе «О «двойном» подчинении и законности», рассматривая вопрос об осуществлении центральной прокурорской власти (для чего, считал В. И. Ленин, нужно было десять человек), В. И. Ленин писал: «Эти десять человек, находясь в центре, работают под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с тремя партийными учреждениями, которые представляют из себя максимальную гарантию против местных и личных влияний, именно: Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК...»²⁶.

Партийное руководство и контроль не означают подмены государственных органов партийными²⁷. Существенным для взаимоотношений партийных и государственных органов является принцип, закрепленный в решениях VIII съезда РКП(б): «Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции»²⁸. Это относится и к другим государственным органам,

²³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 136.

²⁴ Там же, стр. 106.

²⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 204, 208.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 200 (разрядка моя. — Э. К.).

²⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», т. 2. М., Политиздат, 1970, стр. 77; см. также «Коммунист», 1971, № 15, стр. 89.

²⁸ Там же.

включая суд, прокуратуру, органы предварительного расследования.

В соответствии с Конституцией СССР: судьи независимы и подчиняются только закону (ст. 112); органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному Прокурору СССР (ст. 117).

Формы и методы партийного руководства деятельностью суда, прокуратуры, органов следствия и дознания многообразны²⁹. Укажем следующие из них.

а) Прежде всего должно быть отмечено, что Программа КПСС предусматривает принципы правосудия. Она возлагает на судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, обязанность строжайше соблюдать законность. При этом в Программе КПСС особо сказано о соблюдении «всех процессуальных норм»³⁰. Для обеспечения прав и интересов личности в уголовном процессе это имеет большое значение, так как процессуальные права граждан, включая обвиняемого, подозреваемого, и обязанности названных должностных лиц и органов по обеспечению этих прав предусмотрены нормами именно процессуального права. Пренебрежение правами обвиняемого и других участников процесса, неисполнение указанных обязанностей является отступлением от требования Программы КПСС.

б) Партийное руководство органами суда, прокуратуры, предварительного расследования осуществляется путем обсуждения и решения партийными органами вопросов, направленных на дальнейшее укрепление социалистической законности, а также и иных вопросов. Успешное решение задач советского уголовного судопроизводства, решение задач и достижение целей социалистического правосудия требует от лиц, производящих дознание, следователей, прокуроров, судей глубокого понимания политики партии.

В последние годы был принят ряд решений, имеющих важное значение для дальнейшего совершенствования деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел; для укрепления законности в уголовном процессе, усиления охраны процессуальных прав граждан. Так, 10 декабря 1965 г. принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка»³¹; при-

²⁹ См., например, Н. Р. Миронов. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 217—220.

³⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 106.

³¹ «Социалистическая законность», 1966, № 3.

нято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему укреплению советской милиции³²; в августе 1970 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассмотрели вопрос о мерах по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов³³.

в) Партийное руководство осуществляется также на основе созыва партийными комитетами совещаний по вопросам социалистической законности с участием судей, прокуроров, следователей; участия представителей парткомов в ведомственных совещаниях названных работников; создания при парткомах постоянно действующих советов по изучению и устранению причин, порождающих правонарушения³⁴, методологических семинаров юристов³⁵ и мн. др.

г) Одна из важных форм партийного руководства и контроля, служащая обеспечению прав и законных интересов личности в уголовном процессе — рассмотрение партийными органами жалоб заинтересованных лиц на действия и решения суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание (органа дознания).

По жалобам, поступающим в партийные органы, решения по существу вопроса (об отмене приговора, прекращении дела и тому подобное) не принимаются. Эти решения составляют компетенцию соответствующих названных выше должностных лиц и органов. Однако факт обращения гражданина с жалобой в партийный орган служит важной гарантией того, что поставленный им вопрос (например, о незаконности ареста) будет тщательно рассмотрен компетентным органом и решен им в соответствии с законом.

д) Серьезной мерой обеспечения процессуальных прав и законных интересов личности служит сообщение органами прокуратуры, судом о выявленных ими фактах нарушения названных прав и интересов партийным органам. При рассмотрении дела Б., З. и Х. (обвиняемых в изнасиловании и убийстве Ирины К.) были допущены грубые нарушения прав личности. Так, указанные лица были задержаны при отсутствии к этому законных оснований; им не было разъяснено, в каком преступлении они подозреваются; при расследовании допущен обвинительный уклон. Приговор по данному делу был отменен.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР, а затем Пленум Верховного Суда УССР в связи с отмеченными нарушениями вынесли по данному делу соответственно частное определение и частное постановление. Так как по этим актам длительное время не принимались необходимые

³² «Правда», 29 ноября 1968 г.

³³ «Правда», 1 сентября 1970 г.

³⁴ «Социалистическая законность», 1965, № 1, стр. 9.

³⁵ «Социалистическая законность», 1965, № 15, стр. 24—25.

меры, Пленум Верховного Суда СССР в частном постановлении предусмотрел: «Довести до сведения ЦК КПСС и ЦК КП Украины о фактах грубого нарушения социалистической законности, допущенных при расследовании и судебном рассмотрении дела Б., Х. и З.». Принимая такое решение, Пленум Верховного Суда СССР признал, что оно необходимо «независимо от дальнейших результатов расследования дела об изнасиловании и убийстве К.»³⁶.

е) Формой партийного руководства и контроля за деятельностью органов суда, прокуратуры и предварительного расследования является их участие в рамках закона в подборе кадров названных органов.

ЦК КПСС уделяет большое внимание развитию и кодификации советского законодательства, в том числе уголовно-процессуального, что служит важной мерой укрепления законности в уголовном судопроизводстве, возрастания и укрепления гарантий прав и законных интересов личности. ЦК КПСС поднимает авторитет закона, воспитывает нетерпимость к его нарушениям. «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут»³⁷. В соответствии с Уставом КПСС к судьям, прокурорам, начальникам следственных отделов (ст. 127 УПК РСФСР), следователям, лицам, производящим дознание — членам КПСС, — за допущенные ими нарушения закона могут быть применены партийные взыскания.

Справедливо было отмечено: «Неослабный партийный контроль во всех звеньях правосудия, во всех органах, с ним связанных, совершенно необходим. Живое существо этого контроля, глубокий его смысл и заключается в том, чтобы строжайше соблюдалась социалистическая законность, ее дух и буква. И тут не может быть отступлений, скидок, снисхождений. Любой шаг в сторону уже непартиен»³⁸. Вмешательство (в отдельных случаях) работников партийных комитетов в рассмотрение конкретных уголовных дел, стремление диктовать свое мнение о привлечении к уголовной ответственности, мере наказания и т. д. — неправильный путь³⁹. Подобное вмешательство осуждено ЦК КПСС⁴⁰. Отметим, что еще в 1922 г. Московский Комитет РКП(б) в циркуляре о революционной законности указал: «Оказывать полное содействие

³⁶ Архив Верховного Суда СССР.

³⁷ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., Политиздат, 1971, стр. 81.

³⁸ «Закон и только закон». «Известия», 17 августа 1964 г.

³⁹ Н. Миронов. Насущные вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности. «Коммунист», 1963, № 1, стр. 57.

⁴⁰ «Партийная жизнь», 1954, № 6, стр. 16.

Советской юстиции в проведении начал революционной законности и в привлечении к ответственности виновных в ее нарушении, какие бы должности и посты они ни занимали, и не допускать никакого непредусмотренного законами РСФСР вмешательства в работу суда или следственных органов»⁴¹.

Суть партийного руководства — направление всей деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел по пути эффективной борьбы с преступностью на основе строжайшего, неослабного исполнения законов, в которых, как известно, находит выражение политика КПСС. «В обобщенной, концентрированной форме советские законы выражают волю народа, основные направления политики партии и государства, обеспечивают движение общества по заданному курсу»⁴².

Подведем итог изложенному.

Партийным органам принадлежит направляющая, руководящая роль в деятельности органов суда, прокуратуры, предварительного расследования;

в соответствии с возрастанием руководящей роли КПСС, что является объективной закономерностью⁴³, возрастает партийное руководство органами суда, прокуратуры, предварительного расследования. Это ни в коей мере не означает снижения или ослабления активности и творческой инициативы последних в решении возложенных на них задач;

ослабление партийного руководства и контроля за деятельностью названных органов ослабляет гарантии законности, гарантии прав и законных интересов личности в уголовном процессе, чревато ошибками и промахами в деятельности суда, прокурорского надзора и предварительного расследования⁴⁴;

партийное руководство правосудием и предварительным расследованием осуществляется в рамках Конституции СССР, с соблюдением принципов, закрепленных ст.ст.112, 117. Отдельные попытки вмешательства некоторых партийных работников в расследование и разрешение уголовных дел с целью предрешить их исход несовместимо с существом партийного руководства, ибо Программа КПСС предусматривает строгое соблюдение социалистической законности, а указанное вмешательство ее нарушает.

⁴¹ «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 3, стр. 13.

⁴² Л. И. Брежнев. Речь перед избирателями. «Известия», 12 июня 1970 г.

⁴³ См. П. Федосеев. Возрастание роли партии — закономерность строительства социализма и коммунизма. «Коммунист», 1971, № 15, стр. 88.

⁴⁴ См. Н. Мионов. Насущные вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности. «Коммунист», 1963, № 1, стр. 49.

Фактическое значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, включая обвиняемого, подозреваемого, определяется также воздействием идеологических гарантий.

Господство в условиях социалистической демократии марксистско-ленинской идеологии, морально-политическое единство советского народа, рост культуры и правосознания — все это содействует укреплению социалистической законности.

Важное значение для укрепления законности имеет воспитание масс в духе глубокого демократизма, создание в стране психологической и политической атмосферы нетерпимости ко всяким нарушениям демократии, к бюрократизму и зажиму критики и т. д.⁴⁵ Все это способствует укреплению социалистической законности, в том числе в области уголовного процесса.

Воздействие идеологических гарантий на уголовно-процессуальные средства обеспечения прав и законных интересов личности многообразно. Для реальности таких средств важное значение имеет, в частности, следующее:

а) Взгляды на причины преступности, свойственные советской криминологии. Непосредственной причиной общеуголовной преступности в СССР являются неизжитые еще антиобщественные взгляды, нравы, привычки, пришедшие к нам из старых эксплуататорских общественно-экономических формаций. Такие взгляды, привычки поддерживаются отрицательным влиянием капитализма. Определенное значение в этом имеют и существующие при социализме неантагонистические противоречия в жизни общества (Все это — причины преступности вторичного порядка)⁴⁶. Биологические теории преступности в советской правовой науке подверглись обобщенной критике⁴⁷.

Все это важно, необходимо для вывода о том, что «в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности»⁴⁸. Соответствен-

⁴⁵ «Коммунисты и демократия». Прага, 1964, стр. 339.

⁴⁶ «Криминология». М., «Юридическая литература», 1968, стр. 120—122.

⁴⁷ А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 87; И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. Антиобщественные явления, их причины и средства борьбы с ними. «Коммунист», 1966, № 12, стр. 59; В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968, стр. 52—59. По данному вопросу см.: П. Демичев. Разработка актуальных проблем строительства коммунизма в решениях XXIV съезда КПСС. «Коммунист», 1971, № 15, стр. 34; М. Иовчук. Современные проблемы идеологической борьбы, развития социалистической идеологии и культуры. Там же, стр. 106.

⁴⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1967, стр. 106.

но такой возможности целью наказания является не только кара за совершенное преступление, но исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступление.

Признание такой возможности и такое определение целей наказания имеют существенное значение для положения обвиняемого, ибо влекут обязанность следователя, суда не допускать соответственно привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных, а также — строго индивидуализировать вину и наказание лиц, совершивших преступления. Это, в свою очередь, делает необходимой развернутую систему уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности и их неуклонное соблюдение.

Для современной буржуазной криминологии характерны биологические и биосоциальные теории причин преступности. «Антропологи» признают существование «врожденных преступников», «социологи» — «привычных» или «хронических» преступников, которые находятся в «опасном состоянии». При этом, признание «опасного состояния» чревато применением к гражданину принудительных мер даже там, где нет еще преступления. Задача соизмерять наказание с деянием объявляется иллюзорной⁴⁹. В последнее время в среде буржуазных криминологов получила распространение теория хромосомного предрасположения к преступлению, которая представляет, по сути, возрождение ломброзианства. Сторонники этой теории «ликвидируют не только уголовное право, но и уголовный процесс и суд, превращая борьбу с преступностью в систему биологически-профилактических процедур»⁵⁰. Подобные взгляды на причины преступности расчищают путь к отказу от буржуазно-демократических принципов; от предусмотренных буржуазным правом уголовно-процессуальных гарантий прав личности; расчищают путь произволу.

б) Реальности уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности служит также марксистское понимание права, включающее признание всеобщезначительности правовых норм.

⁴⁹ См. А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961, стр. 10—11; См. также Б. С. Никифоров. Новейшие тенденции реакционной американской биокриминологии. «Советское государство и право», 1949, № 7; М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право. М., Госюриздат, 1961, стр. 6; А. А. Герцензон. Современная буржуазная криминология. «Советское государство и право», 1963, № 2; Ф. М. Решетников. Уголовное право буржуазных стран, вып. III. М., Изд-во Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы, 1967, стр. 46, 47, 55, 58, 65 и др.; «Советская криминология». М., «Юридическая литература», 1968.

⁵⁰ А. А. Герцензон. Новые попытки возрождения ломброзианства в зарубежной криминологии. «Социалистическая законность», 1970, № 8, стр. 30.

В соответствии с этим: а) суд (прокурор, органы предварительного расследования) применяют нормы права, но не создают их; б) названные должностные лица и органы не могут противопоставлять велениям правовой нормы свое представление о должном и справедливом. Все это является условием реальности названных гарантий; способствует их абсолютной обязательности в деятельности названных должностных лиц и органов.

В капиталистических государствах, особенно в США, получил распространение правовой прагматизм, социологические теории права. Для таких теорий характерно обособление и даже противопоставление права и судебного процесса; характерно обоснование идеи правотворчества суда. Подобные взгляды, практически — призыв к правому нигилизму, ибо неконтролируемое правотворчество судов на практике приводит большей частью к откровенному судебному произволу⁵¹. Указанные взгляды умаляют, разрушают практическую значимость уголовно-процессуальных гарантий, предусмотренных буржуазным правом. В названных теориях «обнаруживается ставка на реакционный, как правило, по своему составу суд, от которого идеологи империалистической реакции ждут поправок к законодательству в тех случаях, когда последнее, уступая требованиям трудящихся, устанавливает нормы права, вступающие в противоречие с отдельными интересами монополий или с их вновь назревшими потребностями»⁵².

г) Степень реальности уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности связана со взглядами на соотношение законности и целесообразности.

Четкое решение данного вопроса дано В. И. Лениным, в частности, применительно именно к судебной деятельности. Судебная власть, указывал В. И. Ленин, обязана, «с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходи-

⁵¹ А. Старченко. Философия права и принципы правосудия в США. М., «Высшая школа», 1969, стр. 17; В. Казимирчук. Куда идет американская правовая идеология. «Социалистическая законность», 1970, № 6, стр. 33. См. также В. И. Туманов. Критика современной буржуазной теории права. М., Госюриздат, 1957, стр. 112—135; С. Л. Зивс. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 117—133; В. И. Туманов. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., «Наука», 1971, стр. 287—288.

⁵² С. Ф. Кечекьян. Американские социологические теории государства и права. «Вестн. Моск. ун-та», сер. право, 1967, № 2, стр. 11.

мым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам или даже признать таких-то лиц по суду оправданными»⁵³.

Таким образом, учет конкретных обстоятельств, с чем связана целесообразность принимаемого решения, допустим при абсолютном подчинении закону, в рамках закона⁵⁴. «Социалистическая законность едина с началом целесообразности... советское законодательство целесообразно; оно включает целесообразность в качестве существенного момента своего содержания»⁵⁵.

Такое решение проблемы соотношения законности и целесообразности — одно из условий реальности прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и др.⁵⁶. Однако противопоставление «интересов дела» требованию абсолютного соблюдения закона все еще встречается, что, в частности, служит одной из причин нарушения прав личности в уголовном процессе. Важность рассматриваемого вопроса требует предельной ясности его решения в теории.

П. Е. Недбайло в своей работе утверждает, что целесообразность состоит в соответствии деятельности органов государства, общественных организаций и граждан условиям и обстановке, в которых они применяют и исполняют правовые нормы; что целесообразность в этом смысле не противоречит законности, но и не совпадает с ней⁵⁷. Эта трактовка вопроса вызывает возражения. Требование соотносываться (в процессе применения и исполнения закона) с условиями и обстановкой заложено в самом законе; является требованием закона. Целесообразность применения закона это, следовательно, соответствие деятельности по применению (исполнению) закона не просто «условиям и обстановке» применения закона, а требованию закона об учете этого. Если данное требование закона не исполняется, а равно, когда «учитываются» такие условия и обстановка, которые законом не охватываются, на которые он не рассчитан, — закон нарушается. Если, например, суд назначил за преступление, по которому закон предусматривает лишение свободы, именно данную меру наказания, но не учел при этом обстоятельства, свидетельствующие, что для исправления и перевоспитания

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198—199.

⁵⁴ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС», п. 3. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 7.

⁵⁵ С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 1. Свердловск, 1963, стр. 179 (разрядка моя.— Э. К.).

⁵⁶ Отметим, что в 1926 г. в журнале «Еженедельник советской юстиции» справедливо критиковалось мнение, что «вопрос целесообразности должен господствовать над формой права» (№ 2, стр. 1—2).

⁵⁷ П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 194.

осужденного не требуется отбывание им наказания, что для достижения такой цели достаточно условного осуждения, — решение суда о мере наказания нецелесообразно. Но оно также и незаконно, ибо суд не применил ст. 44 УК РСФСР, которая рассчитана на подобные ситуации и которую, следовательно, суд обязан был применить.

Одним из условий целесообразного применения правового акта является целесообразность его издания⁵⁸. Дальнейшее совершенствование советских уголовно-процессуальных и уголовных законов послужит возрастанию целесообразности решений, принимаемых в уголовном процессе.

При единстве социалистической законности и целесообразности требования отдельных норм могут вступать в противоречие с целесообразностью⁵⁹. Такие нормы не соответствуют (или неполностью соответствуют) потребностям практики⁶⁰.

В связи с этим привлекает внимание, например, ст. 239 УПК РСФСР, согласно которой дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее 14 суток с момента вынесения постановления (определения) о предании суду. Регламентация законом такого срока — серьезная гарантия прав и законных интересов личности, ибо неопределенность поощряла бы волокиту. Однако излишняя категоричность приведенного решения (во всех случаях — не позднее 14 суток) не обеспечивает возможности учитывать обстоятельства, которые могут складываться в некоторых ситуациях; не гарантирует тем самым целесообразность решения данного вопроса для всех дел. Это относится, на наш взгляд, и к решению, предусмотренному УПК УССР⁶¹.

Потерпевшей по делу об изнасиловании, рассмотренному трибуналом Киевского военного округа, была школьница 10-го класса. Установленный ст. 256 УПК УССР срок начала судебного разбирательства падал на период выпускных экзаменов. Соблюдение требования ст. 256 УПК УССР в этих условиях: а) означало дополнительную и серьезную моральную травму для потерпевшей, присутствие которой в судебном заседании препятствовало бы нормальной подготовке к экзаменам; б) умаляло гарантии установления истины по делу. Ибо естественное в таком состоянии стремление потер-

⁵⁸ См. Д. А. Керимов. Свобода, право и законность. М., Госюриздат, 1960, стр. 125; «Проблемы советского социалистического государства и права в современный период». Под ред. В. М. Чхиквадзе. М., «Наука», 1969, стр. 248.

⁵⁹ См., например, С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 1. Свердловск, 1963, стр. 179.

⁶⁰ При этом под потребностями судебной и следственной практики мы имеем в виду потребности, существенные для успешного решения задач судопроизводства.

⁶¹ В соответствии со ст. 256 УПК УССР дело должно быть назначено к рассмотрению в суде не позднее 10 суток, а в случаях сложности дела — не позднее 20 суток со дня поступления его в суд.

певшей побыстрее освободиться от участия в судебном заседании могло сказаться на полноте и точности ее показаний; на степени ее активности в судебном разбирательстве.

Необходимо, как представляется, более гибкое решение вопроса: наряду с твердым сроком (по УПК РСФСР — 14 суток с момента принятия решения о предании суду) следовало бы установить, что в исключительных случаях, каждый раз с указанием причин этого, судебное заседание может быть назначено и на более поздний срок (на какой именно — устанавливать в законе не следует) определением распорядительного заседания суда.

Подобным же образом, на наш взгляд, следует решить вопрос о сроке, в течение которого дело должно быть рассмотрено в стадии предания суду. Установленный ст. 221 УПК РСФСР единый 14-суточный срок может оказаться недостаточным для обстоятельного изучения судьей (судом) материалов многотомного уголовного дела⁶². Тщательность же такого изучения — условие, при котором стадия предания суду может служить гарантией прав обвиняемого (и других участников процесса).

Не обеспечивает полностью, с нашей точки зрения, учет потребностей практики ст. 52 УПК РСФСР, что может приводить к ущемлению прав граждан, либо к отходу от указаний этой нормы. Объясняется это тем, что в определенных случаях в постановлении о возбуждении уголовного дела по необходимости приводятся сведения, указывающие на возможность совершения преступления данным лицом⁶³. Тем самым такое лицо официально подозревается в совершении преступления. Но ст. 52 УПК РСФСР эту категорию лиц подозреваемыми не признает. В результате при соблюдении ст. 52 УПК РСФСР такие лица оказываются в процессуальном положении свидетелей, что означает для них обязанность давать — и при том правдивые — показания. Видимо, это побуждает некоторых следователей допрашивать данных лиц по правилам допроса подозреваемых, нарушая тем самым ст. 52 УПК РСФСР. Нам представляется необходимым дополнить ст. 52 УПК РСФСР с тем, чтобы ею охватывались случаи, когда в постановлении о возбуждении уголовного дела конкретное лицо указывается в качестве возможного ви-

⁶² УПК некоторых других союзных республик устанавливает более краткий срок, например УПК УССР — пять суток, а в случае сложности дела — до десяти суток (ст. 241); УПК Грузинской ССР — пять суток, а при решении дела в распорядительном заседании — семь суток (ст. 224).

⁶³ Такие указания неизбежны по делам о ряде преступлений, например по делам: о систематическом занятии бродяжничеством или попрошайничеством; злостном нарушении правил административного надзора; уклонении военнообязанного от учебных сборов и воинского учета; злостное нарушение паспортных правил; самовольном возвращении высланного в места, запрещенные для проживания.

новника преступления⁶⁴. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РСФСР подобные указания можно будет признавать допустимыми лишь тогда, когда это неизбежно в силу специфики состава преступления.

Если норма права вступает в противоречие с началом целесообразности, единственно допустимый путь ее согласования с потребностями практики — либо изменение или отмена нормы, либо установление компетентным на то органом изъятий из нее, но отнюдь не отход, отступление от нормы, ее «корректирование» правоприменяющим органом. В докладе на V Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин сказал: «если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»⁶⁵. В записке Л. А. Фотиевой в ответ на вопрос, нельзя ли обойти декрет, В. И. Ленин ответил: «Обойти декретов нельзя: за одно такое предложение отдают под суд.

Но провести *через ЦИК* изъятие можно, и я сие советую»⁶⁶.

5

Для обеспечения реальности уголовно-процессуальных средств защиты прав и законных интересов личности немаловажна роль кадров следователей (лиц, производящих дознание), прокуроров, судей⁶⁷. Уголовно-процессуальные гарантии побуждают названных должностных лиц действовать так, чтобы обеспечивалась охрана прав и законных интересов обвиняемого (и других участников процесса). Вместе с тем и личность судьи, прокурора, лица, производящего расследование, не безразлична для того, чтобы предписания закона правильно и тщательно исполнялись; чтобы уголовно-

⁶⁴ Возражают против такого решения например, В. Н. Шпилев (В. Н. Шпилев. Участники уголовного процесса, Минск, 1970, стр. 91).

Предложения о расширении (по сравнению со ст. 52 УПК РСФСР) понятия подозреваемого см., например, в работах: Л. М. Карнеева. Подозреваемый в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1959; С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, стр. 38; И. Л. Лисагор. Расширить условия признания лица подозреваемым. «Уч. зап. ВНИСЗ», вып. 22, 1970, стр. 116; М. П. Шемук. Подозреваемый по уголовно-процессуальному законодательству Латвийской ССР. «Правоведение», 1972, № 3, стр. 65.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 504.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 266.

⁶⁷ Так, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Идеи вообще *ничего* не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132).

процессуальные гарантии своевременно и полно реализовывались. Самая хорошая норма закона может «не сработать» (в конкретном случае) при неумелом ее применении.

«Надо иметь собственную голову на плечах,— писал В. И. Ленин,— чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»⁶⁸.

Те качества, которые существенны для личности судьи (равно и других названных должностных лиц) — марксистско-ленинское мировоззрение, социалистическое правосознание, высокий нравственный и культурный уровень, принципиальность, чувство справедливости, профессиональные знания — рождают внутреннюю убежденность этих лиц в авторитетности, целесообразности, абсолютной обязательности закона. Такая убежденность — серьезный субъективный фактор достижения реальности средств обеспечения прав и законных интересов личности, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Важная роль в достижении названного принадлежит социалистическому правосознанию судей, прокуроров, следователей, ибо социалистическому правосознанию присущи представления о социальной полезности прав граждан, обязательности предписаний закона⁶⁹.

С этих позиций следует оценивать, в частности, дискуссионный вопрос о криминалистической одорологии. Мы не будем обсуждать, ценен ли данный метод. В связи с рассматриваемым наше внимание привлекает тот факт, что некоторые следователи, судьи сочли допустимым придать одорологической идентификации (выборке, произведенной собакой) значение доказательства⁷⁰, а некоторые представители правовой теории использовали это для обоснования правомерности применения названного метода для получения доказательств⁷¹. И то и другое не согласуется с требованием обязательности закона: в соответствии со ст. 16 Основ доказательствами могут быть фактические данные, полученные из предусмотренных законом источников. Криминалистическая же одорология в числе таких источников не предусмотрена. Таким образом, даже если будет признано, что вве-

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52.

⁶⁹ О значении социалистического правосознания в укреплении законности, обеспечении прав граждан, его социальной структуре см. М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., «Наука», 1966, стр. 54—65; И. Фарбер. Социалистическое правосознание и права человека. «Советская юстиция», 1967, № 23, стр. 7—8; В. М. Чхиквадзе. Государство — демократия — законность. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 343—354; Д. А. Потопейко. Правосознание как особое общественное явление. Киев, 1970.

⁷⁰ «Социалистическая законность», 1971, № 11, стр. 52; 1972, № 3, стр. 61.

⁷¹ Там же.

дение названного метода в следственную практику послужит установлению истины,— использование такого метода для получения доказательств станет допустимым при условии соответствующего дополнения закона. Иное не согласуется со свойственными социалистическому правосознанию взглядами об абсолютной обязательности правовых норм.

Поскольку кадры судей, прокуроров, лиц, производящих расследование существенны для обеспечения процессуальных прав личности, важно отметить, что этой проблеме уделялось (и уделяется) большое внимание, в том числе — путем нормативной регламентации требований, предъявляемых к указанным должностным лицам⁷². Однако данная проблема полностью еще не решена, что служит одной из причин судебных ошибок. Показателен в этом отношении следующий вывод: «нарушение норм материального и процессуального права в большинстве случаев происходит не по «злому умыслу», а объясняется неглубоким знанием закона, неумением правильно применять нормы права при рассмотрении конкретных дел»⁷³. Качественный рост кадров судей, прокуроров, начальников следственных отделов, следователей лиц, производящих дознание, — важное звено в цепи мероприятий по дальнейшему укреплению законности в уголовном процессе; укреплению уголовно-процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов личности.

Судьи, прокуроры, следователи исполняют свои функции в условиях определенной политической и нравственной атмосферы, господствующей в обществе, которая оказывает на них воздействие.

Это воздействие является негативным в современном капиталистическом обществе, где идет процесс разложения законности, процесс девальвации духовных ценностей⁷⁴. По признанию многих буржуазных социологов нарушение закона,

⁷² См. Положение о народном суде РСФСР 1918 г., ст. 31 (СУ РСФСР 1918 г. № 85, ст. 889); Положение о народном суде РСФСР 1920 г., ст. 12 и 31 (СУ РСФСР 1920 г. № 83, ст. 407); Инструкция об организации обвинения и защиты на суде 1920 г. (СУ РСФСР 1920 г. № 100, ст. 543); Положение о судостроительстве РСФСР 1922 г. ст. 11 (СУ РСФСР 1922 г. № 69, ст. 902) и многие другие акты. См. также ст. 52 Положения о прокурорском надзоре в СССР; ст. 29 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик; Положение о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов прокуратуры СССР, ст. 2 («Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 10, ст. 123); Положение о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР, ст. 1 («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, № 24, ст. 595).

⁷³ А. Горкин. Задачи социалистического правосудия в современных условиях. «Советское государство и право», 1962, № 8, стр. 11. См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 1, стр. 4.

⁷⁴ См. О. Дробницкий. Моральная деградация капитализма. «Коммунист», 1963, № 8; «Вопросы философии», 1970, № 7, стр. 11.

преступность перестают рассматриваться обществом как отклонение от официальных норм нравственности. Американский социолог Парсонс признает по существу, что преступность является выражением положительных (!) моральных ценностей, господствующих в США⁷⁵. Существующая в современных капиталистических государствах общественно-политическая и нравственная атмосфера подрывает практическую значимость правовых гарантий прав и законных интересов личности, которые зачастую становятся предметом торга между полицией, прокуратурой, судом и политическими группировками.

Общественная атмосфера определяется экономическими и политическими отношениями. Прогрессивный характер этих отношений в условиях социалистической демократии приводит к росту политической зрелости масс, их правосознания, культуры, способствуя тем самым созданию в стране политической и психологической атмосферы нетерпимости к нарушениям законности. Это стимулирует соблюдение судом, прокурором, следователем закона; способствует реальности уголовно-процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов личности.

Однако нельзя не учитывать и такой фактор, как влияние «микроклимата», т. е. той обстановки, которая складывается вокруг данного уголовного дела, в данной прокуратуре, суде. В отдельных случаях в силу некоторых причин (например, зажим критики, беспринципность, недостаточный профессиональный и культурный уровень, обстановка нездоровой сенсационности вокруг данного дела) «микроклимат», не совпадая с общей правовой атмосферой в СССР, может способствовать нарушениям прав личности. Поэтому так важно знать (органам МЮ, руководящим органам прокуратуры, МВД) ту атмосферу, которая складывается в каждом данном суде, прокуратуре, органе расследования. Без этого в ряде случаев трудно вскрыть причины нарушения прав личности и принять профилактические меры. В Урус-Мартановском районе Чечено-Ингушской АССР были допущены грубые нарушения законности по делу обвиняемого М. Хункаева, журналиста. Уголовное дело было возбуждено незаконно; бывший прокурор района Хамзаев заведомо незаконно санкционировал заключение Хункаева под стражу. Газета «Известия» по этому поводу писала: «как могло совершиться такое беззаконие? Почему так нагло попирали закон Хамзаев?» — Это случилось прежде всего потому, что рядом с бывшим прокурором работали беспринципные люди, которые потворствовали его

⁷⁵ «Вопросы философии», 1963, № 7, стр. 28; См. также «Известия», 2 сентября 1967 г.

«нраву», угодничали и лебезили перед ним, нарушая закон и долг чести»⁷⁶.

Когда же это уголовное дело было рассмотрено вне этой нездоровой обстановки (в Ставропольском краевом суде) нарушения закона были вскрыты и приняты меры к их устранению. Подобный исход не должен, однако, успокаивать. Устранять нарушения прав личности необходимо, но этого мало. Нужно предупреждать, не допускать такие нарушения. Важное значение в достижении этого принадлежит обеспечению в каждом без исключения суде, в каждом органе предварительного расследования, прокуратуре обстановки высокой принципиальности, нетерпимости к любым нарушениям закона. Это в немалой мере зависит от уровня кадров судей, прокуроров, начальников следственных отделов, следователей, лиц, производящих дознание.

Повышению такого уровня будут способствовать и соответствующие нормативные решения. Так, мы разделяем мнение ряда процессуалистов о необходимости дополнить требования, предъявляемые к кандидатам в судьи, требованием высшего юридического образования⁷⁷.

⁷⁶ «Правда побеждает». «Известия», 11 января 1963 г.

⁷⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 4, стр. 41.

ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ДОЗНАНИЕ, СЛЕДОВАТЕЛЯ, ПРОКУРОРА, СУДА — ГАРАНТИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОБВИНЯЕМОГО

1

Все элементы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого¹ существенны для обеспечения возможности осуществления им своих прав, для охраны этих прав и интересов. Так, права обвиняемого (например, право на обжалование; на заявление отводов; право иметь защитника) служат гарантиями реальности его других прав (возбуждать ходатайства, ознакомиться с материалами дела и др.). Взаимоподкрепляемость прав обвиняемого — важное для обеспечения реальности этих прав их качество. Используя предоставленные ему права, обвиняемый может личными усилиями защищать свои права и законные интересы; может побуждать следователя, прокурора, суд к совершению действий, требуемых для защиты этих прав и законных интересов.

Очень важны как гарантии прав и законных интересов обвиняемого права защитника. Расширение участия защитника, свойственное советскому уголовному судопроизводству, возрастание его прав, четкое определение законом обязанности защитника действовать в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответст-

¹ См. стр. 8.

венность и оказывать обвиняемому требуемую юридическую помощь — необходимая и действенная мера по укреплению уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого.

Ответственное место в системе названных гарантий принадлежит соответствующим обязанностям следователя (лица, производящего дознание, органа дознания) прокурора, суда (судьи) ². Именно данные лица и органы полномочны принимать (в пределах своей компетенции) процессуальные решения (о вызове свидетеля; отводе следователя; прекращении дела, признании лица виновным и другие). В уголовном процессе гражданин защищает свои интересы, как правило, на основе решений и через действия следователя, прокурора, суда. Отсюда понятно, что степень реальности процессуальных прав граждан, степень защищенности их законных интересов в решающей степени зависит от того, как действуют суд, прокурор, следователь: содействуют ли они гражданам в осуществлении их процессуальных прав, защищают ли они их права и законные интересы. Деятельность же этих должностных лиц и органов в направлении обеспечения, защиты процессуальных прав и законных интересов личности, в том числе обвиняемого, тем больше гарантирована, чем полнее, последовательнее идея обеспечения, защиты процессуальных прав и законных интересов личности воплощена в обязанностях указанных органов и должностных лиц. Принципиальное значение для положения личности в советском уголовном судопроизводстве имеет тот факт, что закон обязывает суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, обеспечить возможность осуществления прав, предоставленных гражданам в уголовном судопроизводстве ³. Особое значение обязанностей (соответствующих) следователя, прокурора, суда как гарантий прав и законных интересов обвиняемого признано ст. 13 Основ, которая, раскрывая существо принципа обеспечения обвиняемому права на защиту, предусматривает обязанность именно названных должностных лиц и органов обеспечить обвиняемому «возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав».

² В дальнейшем, если иное не оговорено, где речь идет о следователе, имеется в виду и лицо, производящее дознание, либо орган дознания.

³ См. ст. 27 Основ. В постановлении «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС» Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судей на необходимость создавать все условия для реального осуществления прав, гарантированных участникам судебного разбирательства. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 7). Разрядка моя.— Э. К.

Предусмотренная ст. 27 Основ обязанность следователя, прокурора, суда обеспечить обвиняемому возможность осуществления его прав — очень емка по своему содержанию и существу. Она охватывает: всю совокупность обязанностей указанных должностных лиц и органов, прямо корреспондирующих соответствующим правам обвиняемого; те их обязанности, которые, не будучи непосредственно связаны с тем либо другим правом обвиняемого, служат в силу своего существа обеспечению возможности осуществления обвиняемым (подсудимым, осужденным) его прав и защите этих прав⁴; требование исполнять данные обязанности, не допуская формализма. Так, обвиняемый вправе ознакомиться при окончании предварительного следствия со всеми материалами дела, а следователь обязан их ему предъявить (ст. 201 УПК РСФСР). Исполняя эту обязанность, следователь может действовать по-разному: предъявить все материалы и пассивно ждать, когда обвиняемый признает, что он с ними ознакомился, либо, предъявив материалы, добросовестно содействовать, чтобы обвиняемый их уяснил (спросить, все ли материалы поняты, помочь понять неясное, обратить внимание на особо существенные доказательства и т. п.). Статья 27 Основ не допускает первый, формальный путь выполнения ст. 201 УПК РСФСР.

В советском уголовном процессе обязанности суда, прокурора, следователя, служащие обеспечению процессуальных прав и законных интересов личности, образуют взаимоподкрепляемую систему. Это достигается тем, что:

а) обязанности, которые возложены на названных должностных лиц (и органы), в последующих стадиях процесса стимулируют исполнение обязанностей по обеспечению прав личности другими органами и должностными лицами в предшествующих стадиях процесса. Такова, например, взаимосвязь обязанностей суда первой инстанции и обязанностей прокурора, осуществляющего надзор за законностью следствия и дознания, а равно — обязанностей суда первой инстанции и следователя. Так, обязанность суда первой инстанции допросить подсудимого и исследовать на началах непосредственности другие доказательства способствует выявлению нарушений прав и интересов обвиняемого (например, необоснованное отклонение его ходатайств) и этим побуждает следователя тщательно соблюдать права и интересы обвиняемого;

б) в пределах одной и той же стадии процесса обязанности одного должностного лица содействуют исполнению обязанностей по обеспечению прав личности другим должност-

⁴ Такова, например, обязанность суда исследовать доказательства непосредственно.

ным лицом (или органом). Такой является взаимосвязь, например, обязанностей прокурора и следователя; прокурора, поддерживающего обвинение, и суда первой инстанции;

в) каждое должностное лицо (или орган) — следователь, прокурор, суд — несут совокупность обязанностей по обеспечению прав обвиняемого равно (подозреваемого, потерпевшего и других). Это содействует тому, что исполнение данным должностным лицом (или органом) одних его обязанностей подкрепляется другими лежащими на нем же обязанностями. Так, следователь должен ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и разъяснить ему его права. Исполнению этого содействует обязанность следователя составить протокол о совершении таких действий и дать его для ознакомления и подписи обвиняемому. Взаимоподкрепляемость рассматриваемых обязанностей служит важной гарантией их реальности как средств обеспечения уголовно-процессуальных прав и законных интересов личности.

В системе обязанностей названных должностных лиц и органов особое место занимают обязанности прокурора, так как его функция состоит в осуществлении надзора за законностью в уголовном процессе, элементом которой является соблюдение прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Так, прокурор должен: строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах; осуществлять надзор за тем, чтобы никто не был подвергнут аресту, иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Прокурор обязан отказаться от обвинения, если он придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения; принести протест в случае нарушения права обвиняемого на защиту.

В системе обязанностей по охране прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого (подсудимого) имеются такие, которые непосредственно относятся к конкретным процессуальным действиям или решениям, затрагивающим интересы этих лиц. Таковы, например:

а) обязанности следователя, относящиеся к акту привлечения в качестве обвиняемого: вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого; сформулировать обвинение полно, конкретно, точно указать квалификацию действий обвиняемого; предъявить обвиняемому обвинение, разъяснив при этом его сущность и права обвиняемого. Все это служит обеспечению обоснованности обвинения, недопущению привлечения к уголовной ответственности невиновных; б) обязанности следователя, прокурора, суда, связанные с применением к обвиняемому и подозреваемому мер

пресечения: применять в качестве таковых лишь те меры, которые предусмотрены законом; при наличии установленных законом оснований для применения мер пресечения; с учетом предусмотренных законом обстоятельств; вынести о применении меры пресечения постановление (определение); объявить его обвиняемому (подозреваемому, подсудимому); в) обязанности суда первой инстанции, относящиеся к постановлению приговора: постановить обвинительный приговор лишь при условии бесспорной доказанности виновности подсудимого; основывать приговор на доказательствах, рассмотренных в судебном заседании, и, следовательно, с участием подсудимого, его защитника и других участников судебного разбирательства; составить приговор в соответствии с требованиями, предъявляемыми к его форме и содержанию законом, и др. Все эти обязанности направлены на обеспечение законного и обоснованного решения вопроса о виновности подсудимого и мере его наказания; г) обязанности суда второй инстанции, относящиеся к проверке кассационной жалобы осужденного, оправданного, защитника: проверить дело в полном объеме, не ограничиваясь доводами жалобы; на каждый довод жалобы дать ответ в кассационном определении; учесть при проверке законности и обоснованности приговора дополнительные материалы, представленные в суд второй инстанции оправданным, защитником и др. Такие обязанности служат тому, чтобы деятельность кассационных инстанций обеспечивала выявление нарушений прав обвиняемого (подсудимого), их устранение и предупреждение.

Наряду с такого рода обязанностями, непосредственно относящимися к данному конкретному акту или решению, следователь, прокурор, суд несут многочисленные обязанности, носящие общий характер в том смысле, что они имеют значение для обеспечения прав и интересов обвиняемого при совершении разных действий и принятии различных решений: как решения о привлечении в качестве обвиняемого, так и о признании подсудимого виновным приговором суда, применении к нему меры пресечения и т. д.

Среди этих общих обязанностей существенное значение имеют те, которые относятся к доказыванию. Особая значимость, особая ответственность данных обязанностей для охраны прав и законных интересов личности в уголовном процессе определяется тем, что основой столь острых для интересов личности решений, как привлечение в качестве обвиняемого, признание виновным и многих других, служат факты, которые в уголовном судопроизводстве устанавливаются путем доказывания. Существо решений закона по вопросам доказывания, а также ясность и четкость их выражения в нормах закона имеют самое серьезное значение для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, подо-

зреваемого⁵. Для охраны названных прав и интересов исключительно важна позиция закона по следующим вопросам: должна ли быть установлена по уголовному делу истина; что соответственно этому признается основанием для привлечения гражданина к уголовной ответственности, для применения меры пресечения, для постановления обвинительного приговора; допускает ли закон переложение обязанности доказывания на обвиняемого; каким образом следует поступить, если выявляются неустранимые сомнения в доказанности обвинения; что закон признает доказательством. Остановимся на этих вопросах.

2

Для того чтобы невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, а виновный был осужден соразмерно тяжести им совершенного и его личности важно установить истину. Установление истины — основа охраны прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе. Поэтому в совокупности вопросов, с которыми связана проблема уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, важное место занимает проблема истины в уголовном судопроизводстве.

Предусматривает ли уголовно-процессуальное право обязанность установления истины по уголовному делу; как эта обязанность понимается и насколько последовательно реализуется в уголовно-процессуальных нормах — все это определяется классовыми целями, которым служит юстиция, и соответствующими им философскими взглядами. «Гносеологической основой любого типа судопроизводства, — обоснованно отмечает А. Старченко, — является принятая в нем система принципов доказательственного права. Ее связь с процессом установления фактов в суде, или судебным исследованием, предопределяет тонкое идеологическое влияние на доказательственное право непосредственно, а через него — на все правосудие в целом прогрессивных или реакционных философских идей, господствующих в данном обществе»⁶.

В силу субъективного идеализма современных буржуазных теорий права типичным для буржуазных правоведов является мнение о том, что в человеческих делах достоверность обычно

⁵ Представляется поэтому правильной позиция, например, И. Б. Михайловской, которая, рассматривая положение личности в англо-американском процессе, анализирует англо-американское доказательственное право (правила о допустимости доказательств). И. Б. Михайловская. О положении личности в англо-американском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1961.

⁶ А. Старченко. Философия права и принципы правосудия в США. М., «Высшая школа», 1969, стр. 31.

недоступна, ее заменяет вероятность⁷. Показательно в этом отношении выступление на семинаре ООН по защите прав человека представителя Австрии, который признал, что «цель — минимум (в судебных делах. — Э. К.) есть вероятность, граничащая с несомненностью»⁸.

Идеализм — барьер на пути признания правовой обязанности суда устанавливать истину. Как и в иных областях познания, в судебной деятельности «проблема истины сливается с проблемой борьбы против идеализма»⁹. Для идеализма познание истинно, когда оно соответствует каким-либо правилам, продиктованным сознанием¹⁰. Очевидные следы такой позиции несет уголовно-процессуальное право современных буржуазных государств. Пример этому — переоценка значения сознания обвиняемого в англо-американском доказательственном праве и связанная с этим «делка о признании», широко практикуемая в США; признание (по УПК Франции), что при отсутствии возражений со стороны обвиняемого против допущенного нарушения его прав соответствующий акт не признается недействительным¹¹. Такого рода процессуальные правила противостоят по своей сути требованию соответствия выводов следствия, суда объективной действительности; несовместимы с возложением на них правовой обязанности устанавливать истину.

Невозможность возложения на суд, следователя юридической обязанности устанавливать истину определяется классовыми целями буржуазной юстиции, достижение которых во многих случаях требует, чтобы процессуальная форма помогла скрывать истину; скрывать подлинные обстоятель-

⁷ См. А. Старченко. Философия права и принципы правосудия в США, стр. 59—62; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 46—58.

⁸ «Семинар 1960 г. по защите прав человека в уголовном процессе». Вена, ООН. Нью-Йорк, 1960, стр. 199.

⁹ «Ленинская теория отражения и современность». София, 1969, стр. 344.

¹⁰ Там же, стр. 360.

¹¹ «Делка о признании» была использована, например, при рассмотрении в США дела об убийстве лидера движения за права негров в США Мартина Лютера Kinga. Привлеченный по этому делу к ответственности Джеймс Эрл Рэй признал себя виновным. Это дало суду повод отказаться от исследования других доказательств и признать не относящимся к делу заявление Рэя о его несогласии с выводами министра юстиции США и директора ФБР об отсутствии заговора с целью убийства Kinga. Отбывая наказание, Рэй заявил, что его признание виновным было вынужденным. Однако суд уклонился от обсуждения такого заявления, ссылаясь на то, что оно не отвечало необходимой юридической форме. Ходатайство адвоката Рэя заслушать вновь показания Рэя было отклонено. Мотивировалось это тем, что права Рэя были бы нарушены, если бы его вынудил признаться судебный агент, а так как к этому его склонил защитник (им в ту пору был Формэн) — ничего противоречащего законам штата Теннесси нет (см. Фред Кук. США: Тайна политических убийств. «За рубежом», 1971, № 39, (588); В. И. Валицкая. Что показало изучение процесса об убийстве Мартина Лютера Kinga. «Советское государство и право», 1972, № 1, стр. 143).

ства дела. Классовые противоречия, конкуренция стоящих у власти политических и экономических группировок монополистического капитала, расовая нетерпимость, враждебность к прогрессивным, либеральным взглядам — все то, что свойственно природе капитализма, оказывает воздействие на внутреннее убеждение следователя, судьи, воздвигая барьер на пути к истине.

Изложенное не означает, что суды капиталистических государств вообще не устанавливают истину по разрешаемым им делам. Такое представление было бы упрощенным и неправильным.

В условиях социалистической демократии имеются и политические и философские предпосылки, необходимые для того, чтобы законом могла быть предусмотрена обязанность установления истины по делу, поскольку: а) решение задач социалистической демократии требует неприкосновенности социалистической законности, требует, следовательно, обнаружения всех случаев ее нарушения и лиц, виновных в этом; б) марксистская философия исходит из доступности истины человеческому познанию.

Указанная возможность реализована в нормах советского уголовно-процессуального права: в соответствии со ст. 2 Основ каждое преступление должно быть раскрыто; каждый виновный изобличен; ни один невиновный не может быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Необходимо также привлечь внимание к ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР, в соответствии с которой в случае оправдания подсудимого за недоказанностью его участия в совершении преступления суд (если лицо, совершившее преступление, осталось невыясненным) по вступлении приговора в законную силу направляет дело прокурору для установления лица, совершившего преступление. Важен (в связи с рассматриваемым) и п. 2 ч. 2 ст. 208 УПК РСФСР, в соответствии с которым при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления дело прекращается не в целом, а лишь в отношении данного обвиняемого. Все эти положения закона свидетельствуют о том, что суд, следовательно, обязан установить истину; установить лицо, виновное в совершении преступления.

Приведенные положения важны и необходимы для защиты интересов потерпевшего и гражданского истца: следовательно, суд, реабилитировав лицо, неправоммерно привлеченное к уголовной ответственности, не освобождается от обязанности установить действительного виновника, с чем связана возможность защиты интересов потерпевшего и гражданского истца.

Эти, предусмотренные законом решения, не менее существенны и для защиты интересов обвиняемого: недопустимость

окончания производства по делу в случае оправдания, а также прекращения дела за недоказанностью участия обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления служит гарантией от поспешного, непродуманного привлечения гражданина к уголовной ответственности. Ибо перспектива получить дело из суда для дополнительного расследования, либо продолжать его расследование после прекращения дела в отношении гражданина, который без должных оснований был поставлен в положение обвиняемого, побуждает следователя к осмотрительности в решении столь важного для интересов личности вопроса, как привлечение в качестве обвиняемого.

Спорным в среде советских юристов является вопрос о содержании истины, устанавливаемой по уголовному делу. Многие считают, что содержанием такой истины являются обстоятельства дела (установленные в соответствии с действительностью) и их правовая оценка¹². Представляется обоснованным мнение ученых, полагающих, что содержанием истины в уголовном (а также гражданском) процессе являются обстоятельства дела, устанавливаемые в соответствии с действительностью¹³.

В соответствии с этим достижение истины, на наш взгляд, важно, но еще недостаточно для обеспечения, защиты прав и законных интересов обвиняемого. Для этого необходимо, кроме того, правильное применение закона при решении вопросов: о наличии состава преступления; уголовно-правовой квалификации действия или бездействия, вменяемого в вину обвиняемому; мере наказания; при решении нет ли обстоятельств, освобождающих обвиняемого от уголовной ответственности и наказания и ряда других.

¹² См. А. П. Ривлин. Понятия материальной истины в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1951, № 11; Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, стр. 117; П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 226, 228; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., Госюриздат, 1960, стр. 22; А. С. Шляпочников. К вопросу об объективной истине в советском уголовном процессе. «Уч. зап. ВИЮН», вып. 12. М., 1961, стр. 49; «Вестн. Моск. ун-та», серия VIII, экономика, философия, 1963, № 4, стр. 41, 61, 69, 70, 74; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 66 и сл. Такова же позиция И. Л. Петрухина («Социалистическая законность и способы ее обеспечения». Под ред. В. М. Чхиквадзе. М., «Наука», 1968, стр. 182), Т. Н. Добровольской (Т. Н. Добровольская. «Принципы советского уголовного процесса». М., «Юридическая литература», 1971, стр. 132).

¹³ См. М. С. Строгович. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 66; С. В. Курылев. Понятие материальной истины в советском правосудии. «Социалистическая законность», 1951, стр. 34; В. Д. Арсеньев. О соотношении гносеологических и юридических вопросов при установлении истины по уголовным делам. «Вопросы советского государства и права». Иркутск, 1965, стр. 5—17; М. Г. Авдюков. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. Изд-во МГУ, 1970, стр. 85.

Обязанность следователя, суда установить истину конкретизируется в существенных для интересов личности решениях закона и прежде всего в решениях об основаниях привлечения в качестве обвиняемого.

В соответствии со ст. 2 Основ, требующей, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности, ст.ст. 143 и 144 УПК РСФСР основанием для привлечения гражданина в качестве обвиняемого может служить лишь такая совокупность доказательств, которая позволяет следователю утверждать, что преступление имеет место и совершил его именно данный гражданин и которая обосновывает убеждение следователя в виновности данного гражданина.

Недопустимо привлечение в качестве обвиняемого в условиях, когда степень исследованности обстоятельств дела достаточна лишь для предположительного вывода следователя о совершении преступления данным лицом¹⁴. Решение следователя о привлечении в качестве обвиняемого должно быть основано на тщательном, глубоком, всестороннем исследовании обстоятельств дела, что служит ограждению невиновных от привлечения к уголовной ответственности, а также правильному определению объема обвинения и уголовно-правовой квалификации действия (бездействия) виновного.

Вывод о том, что следователь, привлекая гражданина в качестве обвиняемого, должен располагать доказательствами,

¹⁴ Вопрос об основании привлечения в качестве обвиняемого, о том, допустимо ли привлечение к уголовной ответственности при вероятности виновности гражданина, либо требуется достоверное установление этого, рассматривался рядом процессуалистов. Так, первую точку зрения разделяют: М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 120—124; его же. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, стр. 81—86; Л. М. Карнеева. Внутреннее убеждение и характер вывода следователя. «Советское государство и право», 1969, № 6, стр. 81; ее же. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 125—128. Второй точки зрения придерживаются, например: Б. А. Викторov. О критике некоторых положений в теории советского уголовного процесса. «Советское государство и право», 1958, № 3, стр. 91—92; В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959, стр. 23; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, стр. 184—192; П. М. Давыдов. Основания привлечения лица в качестве обвиняемого. Сборник ученых трудов. Свердловск. юрид. ин-т, 1968, стр. 207—208; М. И. Бажанов. Об истинности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве. «Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства». Харьков, 1968, стр. 216—217; Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970, стр. 72—76.

достаточными для убеждения в его виновности, отвергается иногда потому, что такая убежденность может повлечь обвинительный уклон в ходе дальнейшего расследования. Но, как известно, обвинительный уклон может проявляться не только после выполнения ст.ст. 143, 148 УПК РСФСР, но и до этого. Сама необоснованность предъявленного обвинения в ряде случаев объясняется именно тем, что следователь, действуя с обвинительным уклоном, односторонне, неполно исследует обстоятельства дела, что порождает не соответствующие действительности выводы о виновности данного гражданина в совершении преступления¹⁵. Поскольку обвинительный уклон может проявляться и до предъявления обвинения, опасность этого не может служить аргументом в пользу правомерности предъявления обвинения при вероятности вины привлекаемого.

В связи с вопросом об основаниях привлечения в качестве обвиняемого утверждается, что «достаточность оснований для принятия решения в данный момент и при данных условиях отнюдь не всегда влечет немедленный вывод о достоверности решения, которое надо сформулировать именно в целях создания наилучших условий для последующей проверки вывода»¹⁶. Иными словами: принятие решения о привлечении в качестве обвиняемого допустимо, даже если вывод о достоверности такого решения невозможен; в целях создания наилучших условий «для проверки этого вывода». Такая позиция чревата опасностью необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Она не согласуется со ст. 2 Основ, которая установила запрет привлечения в качестве обвиняемых невиновных.

С обязанностью установления истины связано и решение о том, когда допустимо применение мер пресечения. В соответствии с законом это допустимо, если можно полагать, что обвиняемый (подозреваемый): скроется; воспрепятствует установлению истины по уголовному делу; будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 33 Основ, ст. 89 УПК РСФСР). Данные меры могут быть приняты при вероятности наступления названных выше и предусмотренных законом последствий. Однако — и это очень важно для обеспечения прав и законных интересов личности — закон не допускает произвольности указанных предположений; он требует, чтобы такие предположения основывались на достаточных основаниях (ст. 33 Основ).

¹⁵ Это привело, например, к необоснованному предъявлению обвинения ряду подростков («Литературная газета», 26 ноября 1969 г.; 3 декабря 1969 г.; 26 августа 1970 г.).

¹⁶ «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 87—88.

Устанавливая, есть ли эти основания, следователь должен учитывать: тяжесть предъявленного обвинения, личность обвиняемого или подозреваемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и др. (ст. 91 УПК РСФСР). Обстоятельства, свидетельствующие о наличии достаточных оснований для одного из тех предположений, которые указаны в ст. 33 Основ (обвиняемый скроется и т. д.), должны быть установлены в соответствии с действительностью¹⁷.

Это важная гарантия прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), ограждающая его от субъективизма, произвольности при применении мер пресечения. Недопустимы поэтому встречающиеся на практике¹⁸ случаи вынесения недостаточно мотивированных постановлений о применении меры пресечения; таких, где скупо, неконкретно указываются обстоятельства, которые, по мнению следователя, свидетельствуют о наличии предусмотренного законом основания для применения меры пресечения.

Установление истины требуется для постановления обвинительного приговора, что следует: из ст. 2 Основ, в которой предусмотрено: «ни один невиновный не должен быть осужден» и ст. 43 Основ: «приговор суда должен быть законным и обоснованным... Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана». Требование бесспорной, положительной доказанности виновности гражданина как условие постановления обвинительного приговора — одна из важнейших уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности.

Но когда можно признать виновность доказанной? От этого во многом зависит реальность названного требования как гарантии прав личности. Разъяснение этого дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре». В постановлении сказано: «... обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

Все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого»¹⁹.

Условием правомерного постановления обвинительного приговора является установление в соответствии с действительностью

¹⁷ Таково же мнение М. И. Бажанова («Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства». Харьков, 1968, стр. 217).

¹⁸ «Социалистическая законность», 1971, № 12, стр. 64.

¹⁹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.». М., «Известия», 1970, стр. 519.

тельностью обстоятельств, существенных для вывода о наличии оснований уголовной ответственности. Такими основаниями являются виновное (умышленно или по неосторожности) совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния (ст. 3 Основ уголовного законодательства). Следовательно, для постановления обвинительного приговора необходимо установить в соответствии с действительностью:

а) наличие общественно опасного деяния, вменяемого в вину подсудимому;

б) совершение данного общественно опасного деяния именно подсудимым. Отменяя приговор по делу Ш., признанного виновным в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 117 УК Грузинской ССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР дала принципиальные для охраны прав личности разъяснения: ...«имея в виду, что согласно ст. 43 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и что все сомнения относительно доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, истолковываются в пользу подсудимого, Судебная коллегия находит, что показания малолетней потерпевшей, заявившей через год и два месяца после совершения над ней насилия, что в прохожем, оказавшемся Ш., она узнала насильника, не подтвержденные другими объективными доказательствами, не могли лечь в основу обвинительного приговора по делу Ш., категорически отрицавшего свою виновность в предьявленном обвинении...».

в) обстоятельства, конструирующие данный состав преступления. Важно, чтобы этому условию отвечал вывод суда о наличии вины в действиях подсудимого. Отступление от рассматриваемого требования, вероятность выводов по вопросу о виновности подсудимого влечет отмену обвинительного приговора. Пленум Верховного Суда СССР, отменяя обвинительный приговор по делу Г. и А. и прекращая его (в отношении подсудимых) за недоказанностью вины, мотивировал это тем, что «в соответствии со ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик обвинительный приговор не может быть основан на предположениях... По настоящему же делу не добыто доказательств, подтверждающих вину Г. и А. в хищении мяса, а вывод суда об этом основан лишь на предположениях и умозаключениях»²⁰.

²⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 30—32; См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 1, стр. 25; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 1, стр. 21; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 1, стр. 27.

Соответствовать действительности должен и вывод суда о наличии обстоятельств, образующих объективную сторону состава данного преступления. Несоблюдение этого требования влечет отмену или изменение обвинительного приговора. В. был признан виновным в совершении убийства из хулиганских побуждений способом, опасным для жизни многих людей (п.п. «б» и «д» ст. 102 УК РСФСР). Так как вывод о наличии указанных отягчающих обстоятельств не был основан на объективных данных, вышестоящий суд изменил приговор, квалифицировав действия В. по ст. 103 УК РСФСР²¹.

В связи с рассматриваемым существом тезис, которым сопровождалась публикация постановления Пленума Верховного Суда СССР по делу Н.: «Доказанность участия лица в отдельных эпизодах преступной деятельности не дает оснований распространять этот вывод и на другие предъявленные эпизоды преступления, участие в которых не подкреплено убедительными доказательствами»²².

Таким образом, каждое действие (бездействие), вмененное в вину обвиняемому, должно быть доказано²³.

Требование доказанности виновности, как условие постановления обвинительного приговора, подкрепляется требованием толкования сомнений в отношении доказанности обвинения, которые не представляется возможным устранить, в пользу обвиняемого. Это — правовое, обязательное к исполнению требование, основанное на принципиальных указаниях закона о том, что: а) обвинительный приговор может быть постановлен лишь при бесспорной доказанности виновности подсудимого; б) если это не достигнуто, а все возможности по собиранию доказательств исчерпаны и нет оснований для производства дополнительного расследования или нового судебного рассмотрения, должен быть соответственно постановлен оправдательный приговор, либо дело в отношении данного обвиняемого (осужденного) прекращено²⁴.

Названное выше правило с необходимостью следует из приведенных положений закона. Поэтому мы не согласны

²¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 4, стр. 8—9.

²² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 2, стр. 28.

²³ Отступления от этого, означающие по существу возможность осуждения без преступления, подвергались решительной критике и в прошлом. Так, в 1922 г. Президиум Московского совнарсуда по соглашению с МУУР постановил организовать камеру нарсуда при МУУР. Приговоры этой камеры должны были основываться «на достаточно серьезных данных о судимости и приводах» (обвиняемого) (разрядка моя.— Э. К.). Такая «инициатива» была осуждена и деятельность названных камер прекращена («Еженедельник советской юстиции», 1922, № 14—15, стр. 5).

²⁴ Ст. 43 Основ; п. 2 ч. 1 ст. 208; ст. 234; ст. 309; п. 2 ст. 349 УПК РСФСР.

с В. Г. Заболоцким, считающим, что Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» закрепил правило о толковании сомнений доказанности обвинения в пользу подсудимого, которое до этого было известно теории; что теперь это правило стало обязательным для судов²⁵. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении привел формулировку рассматриваемого положения, которое по существу отражено в нормах советского уголовно-процессуального права; закреплено ими. Показательно в связи с этим постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Г., в котором указано: «По этому делу остались неясными обстоятельства, при которых погиб потерпевший. Сомнения, возникающие вследствие этого, устранить не представляется возможным ввиду недостаточности доказательственного материала, который не может быть восполнен в силу особенностей данного дела. Между тем по смыслу советского законодательства и разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре», все сомнения в подобных случаях должны толковаться в пользу обвиняемого»²⁶. Несомненно, однако, что прямое включение в закон соответствующей формулировки рассматриваемого правила послужит укреплению гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подсудимого, осужденного).

Сомнение в отношении доказанности обвинения может касаться как вопроса о виновности в целом, так и отдельно взятых доказательств и обстоятельств. Для защиты прав и законных интересов обвиняемого важен вывод о том, что если неустранимые сомнения относятся к обстоятельству, обосновывающему обвинение — оно должно быть признано неустановленным; если такое же сомнение относится к обстоятельству, оправдывающему обвиняемого — оно не может быть отвергнуто²⁷.

Толкование сомнений в пользу обвиняемого может привести к тому, что обвинение подсудимого в совершении преступления отпадает и он будет оправдан (либо дело о нем будет прекращено). Но это не обязательно. Результатом толкования сомнений в пользу обвиняемого может быть изменение (в пределах, установленных законом) предъявленного

²⁵ «Труды Иркутского государственного университета», т. 85, сер. юридическая, вып. 10, ч. 4. Иркутск, 1970, стр. 88.

²⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 22; См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 1, стр. 35—38.

²⁷ «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая». М., «Юридическая литература», 1966, стр. 452. См. также И. Л. Петрухин. О толковании сомнений в пользу обвиняемого. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 43.

обвиняемому обвинения. Так поступил, например, вышестоящий суд в приведенном нами деле В.: установив, что отягчающие вину подсудимого обстоятельства (совершение убийства из хулиганских побуждений и способом, опасным для жизни многих) не установлены бесспорно, вышестоящий суд не вообще снял с В. обвинение в убийстве, а в пределах обстоятельств, которые были доказаны, нашел, что совершенное им убийство предусмотрено ст. 103 УК РСФСР.

Рассматриваемое правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого, являясь гарантией прав и законных интересов обвиняемого, действует как в судебном разбирательстве, так и на иных стадиях процесса; такую обязанность несут следователь, формулируя обвинение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении; прокурор, утверждая обвинительное заключение, выступая в качестве обвинителя в судебном разбирательстве, а равно поддерживая протест или давая заключение в вышестоящем суде; суд, решая вопрос о наличии оснований для предания обвиняемого суду, постановляя приговор, проверяя законность и обоснованность приговора.

Значение рассматриваемого требования как важной гарантии прав и законных интересов обвиняемого подкрепляется в советском уголовном судопроизводстве целым рядом положений закона, каждое из которых существенно для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, в том числе правилами о недопустимости перелаживать обязанность доказывания на обвиняемого; домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 14 Основ).

4

Недопустимость переложения судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, обязанности доказывания на обвиняемого означает практически, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а равно наличие обстоятельств, смягчающих его ответственность; что суд, следователь не вправе обосновывать обвинительные выводы тем, что обвиняемый не доказал своей невиновности, не опроверг обвинение (полностью или в части), не представил доказательств в обоснование выдвинутых им в свою защиту положений, в том числе отказался от дачи показаний. Таким образом, указанный выше запрет (предусмотренный ст. 14 Основ) — одна из наиболее важных гарантий прав и законных интересов обвиняемого в процессе доказывания. Отсутствие такого запрета порождало бы угрозу осуждения невиновных, либо осуждения винов-

ных по более тяжкому, не соответствующему действительности обвинению, поскольку: а) обвиняемый не имеет полномочий на совершение процессуальных действий, необходимых для обнаружения и представления доказательств; б) если бы он и был наделен такими полномочиями (взамен рассматриваемого запрета), это не укрепило бы гарантий его прав и законных интересов: чтобы защищать свои интересы путем использования таких полномочий, обвиняемому потребовались бы специальные знания, опыт, значительные затраты времени, что сопряжено и с материальными затратами.

Советский уголовно-процессуальный закон последовательно проводит правило о недопустимости переложения обязанности доказывания на обвиняемого. На практике, однако, еще встречаются отступления от него, что нашло принципиальную оценку, например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» от 18 марта 1963 г., в котором признано: «Объяснения подсудимого нередко отвергаются по таким мотивам, которые свидетельствуют о попытке переложить обязанность доказывать невиновность на самого подсудимого, что категорически запрещается законом»²⁸.

Для формирования судебной практики, направления ее по пути строжайшего соблюдения рассматриваемой гарантии важное значение имеет позиция Пленума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, занятая при рассмотрении конкретных дел, в том числе дела К. и дела Т. Признав К. виновным в должностной растрате, суд отверг его показания (о краже этих денег у него в трамвае) на том основании, что «К. должен был доказать свое заявление, а не следственные органы». Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что такое утверждение суда «не только не основано на законе, но находится в глубоком противоречии с основными принципами советского уголовного процесса. По содержанию и духу советского закона не обвиняемый должен доказывать свою невиновность, а органы обвинения должны доказать правильность предъявленного обвинения»²⁹. Ту же идею проводит Верховный Суд СССР в связи с делом Т.: суд не вправе возлагать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность в предъявленном ему обвинении, равно как не вправе считать обвинение доказанным только потому, что обвиняемый не доказал своей невиновности³⁰.

²⁸ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.». М., «Известия», 1970, стр. 254.

²⁹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 10, стр. 19.

³⁰ «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 47—48.

Значение данной гарантии прав обвиняемого (запрета переложить обязанность доказывания на обвиняемого) в советском уголовном процессе возрастает: ныне этот запрет прямо предусмотрен в норме закона (ст. 14 Основ).

5

Реальность указанной гарантии подкрепляется запрещением домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 14 Основ). Принуждение к даче показаний — уголовное наказуемое действие, караемое лишением свободы (ст. 179 УК РСФСР).

Существенное значение для обеспечения реальности указанного запрета имеет позиция закона в отношении значения сознания (признания) обвиняемого; его оценки. В УПК РСФСР предусмотрено, что такое признание не имеет какого-либо преимущественного значения: «...признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (ч. 2 ст. 77).

Верховный Суд СССР, верховные суды союзных республик последовательно и настойчиво направляют судебную практику по пути бескомпромиссного исполнения данного требования³¹. В постановлении «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда разъяснил: «...суду надлежит иметь в виду, что признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу»³².

Сознание обвиняемого не возмещает отсутствия других объективных данных (подтверждающих виновность обвиняемого), совокупность которых только и дает следователю право закончить предварительное расследование составлением обвинительного заключения, а суду — право постановить обвинительный приговор. Четкое уяснение этого каждым следователем, судьей будет содействовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, что требуется для защиты прав и законных интересов обвиняемого. Представляется, что этому способствовало бы закрепление правила, предусмотренного ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР, в Основах уголовного судопроизводства. Это тем более важно, что УПК большинства союзных республик такое правило

³¹ См., например, «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 5 стр. 18; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1959, № 5, стр. 11; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 6, стр. 37; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 5, стр. 12; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 11, стр. 10—11.

³² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.». М., «Известия», 1970, стр. 520.

не формулируют³³. Однако по существу оно общепринято, поскольку все без исключения доказательства подлежат оценке в их совокупности и никакие доказательства не имеют для суда, прокурора, следователя заранее установленной силы (ст. 17 Основ).

Отношение к сознанию обвиняемого как к рядовому доказательству — принципиальная черта советского уголовно-процессуального права с момента его возникновения. Примечательно, что, например, высший судебный контроль в определении по делу № 989, принятому в 1922 г., отметил: «Сознание обвиняемых не только на предварительном, но даже на судебном следствии не может всегда служить безусловным доказательством виновности». Циркуляр № 20 НКЮ от 31 января 1924 г. рекомендовал: «При производстве следствия не придавать решающего значения сознанию обвиняемого, а для всестороннего освещения дела собирать объективные доказательства виновности привлеченных к делу лиц»³⁴.

Однако в прошлом закон содержал решение, являющееся, в определенной мере, отголоском ошибочного взгляда на сознание обвиняемого, как на особое доказательство. Таким, на наш взгляд, было решение УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., предусматривавшее возможность отказа от исследования судом доказательств, «если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания...» (ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.)³⁵. Наличие такого решения в законе могло поддерживать в сознании отдельных практических работников ошибочное представление о сознании обвиняемого, вести к переоценке его значения.

Нельзя не признать, что ошибочное представление о значении сознания обвиняемого, переоценка этого значения живучи³⁶. В 1963 г. в постановлении «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» Пленум

³³ В УПК Киргизской ССР (ч. 2 ст. 62) установлено: «Показания обвиняемого, в том числе и признание им своей вины, подлежат обязательной проверке и оценке в совокупности со всеми доказательствами по делу».

³⁴ Цит. по работе: С. В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929, стр. 49.

³⁵ Подобное решение содержалось, например, и в Инструкции об организации и действии местных народных судов от 23 июля 1918 г., п. 30. СУ РСФСР (СУ РСФСР 1918 г. № 53, ст. 597); в Положении о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.: «При полном согласии с обстоятельствами дела, сознании подсудимого... суд может, не допрашивая свидетелей и не обсуждая других доказательств, перейти к заключительным моментам процесса», ст. 69 (СУ РСФСР 1920 г. № 83, ст. 407).

³⁶ Отметив некоторое возрастание случаев отказа подсудимых от показаний, данных на предварительном следствии, заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР одну из причин этого усмотрел в том, что некоторые следователи забывают об обязанности «собирать объективные доказательства вины обвиняемого независимо от того, признает он ее в суде или нет» («Советская юстиция», 1966, № 14, стр. 10).

Верховного Суда СССР поставил задачу «устранить встречающиеся в судебной практике ошибочные взгляды об особом доказательственном значении признания обвиняемым своей вины»³⁷. В практической деятельности переоценка значения сознания обвиняемого приводит к грубейшим нарушениям прав личности, к осуждению невиновных³⁸.

Таким образом, в ответственной для интересов личности области уголовно-процессуальной деятельности — в области доказывания — суд, прокурор, следователь несут в советском уголовном процессе такие обязанности, которые подчинены задаче установления истины, служат ее решению; служат обеспечению прав и законных интересов личности. Эти обязанности взаимоподкрепляют друг друга. В их числе: обязанность не допускать принуждения обвиняемого к даче показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер; расценивать сознание обвиняемого как рядовое доказательство; не допускать переложения обязанности доказывания на обвиняемого; толковать неустранимые сомнения в виновности обвиняемого, в доказанности обвинения в пользу обвиняемого.

Особое значение в такой системе принадлежит обязанности суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела (ст. 14 Основ). При выяснении значения данной обязанности для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого важно отметить, что предусмотренное ст. 14 Основ исследование обстоятельств дела — необходимый для установления истины путь исследования. Именно такое исследование дает возможность индивидуализировать ответственность обвиняемого. Оно делает возможным правильное применение уголовного закона при решении вопроса о виновности и мере наказания. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела требует соблюдения процессуальных прав обвиняемого.

6

Возможность установления истины по делу; возможность обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого (и иных участников процесса) в существенной мере обусловлена тем, что закон признает доказательст-

³⁷ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.», стр. 259. См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре». Там же, стр. 520.

³⁸ Это подтверждает, в частности, анализ дела Б. и К., которые были необоснованно привлечены к уголовной ответственности и осуждены по обвинению в тяжком преступлении. Обстоятельства этого дела приведены в статье О. Чайковской «Признание» («Литературная газета», 26 ноября и 3 декабря 1969 г.).

в а м и; что в соответствии с этим суд, прокурор, следователь обязаны признавать доказательствами (и, наоборот, чему они такого значения придавать не вправе). Справедлив вывод о том, что «содержание, вкладываемое в понятие доказательства, влияет на установление и реализацию прав и гарантий участников судопроизводства, что, в свою очередь, органически связано с обеспечением демократических принципов осуществления правосудия, гарантий прав и законных интересов участников процесса»³⁹. Неопределенность позиции закона в данном вопросе, равно и излишний формализм, усложненность правил о том, что признается и допускается в качестве доказательств, противоречит интересам личности в уголовном деле, интересам обеспечения законности.

Несмотря на очевидную важность понятия доказательства для обеспечения прав и законных интересов личности, оно в таком аспекте советскими процессуалистами по существу не исследовалось. Рассмотрим данное понятие с позиции обеспечения прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого).

Для этих интересов существен прежде всего тот факт, что закон в единой норме определяет, что признается доказательствами. Это вносит необходимую для обеспечения интересов личности ясность, определенность в решение вопроса о том, что может служить основой для установления фактических обстоятельств дела.

Доказательствами в соответствии со ст. 16 Основ признаются только фактические данные. Следовательно, неконкретные, неопределенные, предположительные сведения не могут служить основой для признания установленными обстоятельств, изобличающих обвиняемого (подозреваемого), отягчающих его ответственность.

Приведенное указание ст. 16 Основ служит обеспечению прав и законных интересов обвиняемого, поскольку оно: а) содействует достижению достоверности выводов следователя, суда об обстоятельствах дела; б) является гарантией права обвиняемого на защиту, ибо это право включает предоставление обвиняемому возможности участвовать в исследовании доказательств; оспаривать доказательства, положенные в основу обвинительных выводов. Но, как известно, чем менее конкретны, определены сведения, тем труднее оспорить их по существу (в случае недостоверности) и опровергнуть сделанные на их основе обвинительные выводы, т. е. тем труднее осуществить право на защиту.

Рассматриваемый элемент понятия доказательства имеет большое значение для обвиняемого также потому, что помо-

³⁹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общ. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 227.

дает ограничению оценки доказательств от самих доказательств. Стирание такой грани чревато судебными ошибками. Эти соображения позволяют нам не разделять позицию процессуалистов, считающих, что вывод, мнение свидетеля, потерпевшего⁴⁰ (базирующееся на известных ему фактических данных) о совершении преступления определенным лицом, или о причастности к преступлению определенного лица «имеет доказательственное значение»⁴¹. Указанное мнение (вывод) должно основываться на доказательствах, а не само является доказательством⁴². Гарантией достоверности такого рода выводов является, в частности, то, что они должны быть результатом оценки доказательств, производимой строго определенными лицами — судом, прокурором, следователем, лицом, производящим дознание, — в соответствии с их внутренним убеждением и законом (ст. 17 Основ). Это имеет важное значение для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого).

Судебная практика показывает, что отступление от рассматриваемого указания ст. 16 Основ — одна из причин все еще встречающихся случаев необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности, осуждения невиновных и других нарушений прав личности. Ц. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 89 УК Таджикской ССР (кража государственного имущества, совершенная в значительных размерах). Он был осужден за то, что похитил из отдела мужской одежды Центрального универмага г. Душанбе брюки стоимостью 30 руб. Судебные инстанции, рассматривавшие данное дело, в том числе Пленум Верховного Суда Таджикской ССР, мотивировали применение к действиям Ц. названной статьи тем, что Ц. проник в отдел готового платья магазина с целью хищения государственного имущества в значительном размере, поэтому тот факт, что при создавшейся обстановке ему удалось похитить лишь брюки стоимостью в 30 руб., не освобождает его от ответственности за хищение государственного имущества в крупных размерах. Не соглашаясь с такой мотивировкой, Пленум Верховного Суда СССР указал: «каких-либо дан-

⁴⁰ Равно обвиняемого, подозреваемого.

⁴¹ Так, Л. М. Карнеева утверждает: «...мнение потерпевшего о причастности к совершенной у него краже определенного лица, потому что у того видели похищенные вещи, в совокупности с другими доказательствами, является средством изобличения преступника. В равной мере имеет доказательственное значение объяснение свидетеля, например, о том, что подделку документов совершил гр-н Н., так как только он имел к ним доступ» («Советская юстиция», 1964, № 18, стр. 14) (разрядка моя. — Э. К.).

⁴² Мнение обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего об обстоятельствах дела, в частности о том, кто совершил данное преступление, является правомерным элементом их показаний, так как показания служат для них средством защиты своих интересов.

ных, указывающих на наличие у Ц. намерения похитить другие ценности (помимо брюк.— Э. К.) из магазина, по делу не установлено. Утверждение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Таджикской ССР основано лишь на предположениях, не вытекающих к тому же из фактических обстоятельств дела, и поэтому не может быть признано правильным»⁴³.

К необоснованным выводам о виновности обвиняемого (подсудимого) приводит нарушение рассматриваемого указания ст. 16 Основ, состоящее в том, что следователь, суд расценивают как доказательства виновности сведения предположительные⁴⁴; неконкретные⁴⁵.

Является ли достоверность фактических данных обязательным признаком, качеством их как доказательств? Рассмотрим этот вопрос, так как его решение, как увидим в дальнейшем, затрагивает законные интересы личности — обвиняемого, подозреваемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Ряд процессуалистов на этот вопрос отвечают утвердительно: «Достоверность — неотъемлемое качество доказательств»⁴⁶. На первый взгляд, это подкупающая позиция, в действительности же она ошибочна⁴⁷ и несовместима с обеспечением процессуальных прав обвиняемого и других участников процесса.

Каждый из этих лиц наделен правом представлять доказательства. Важность этого права несомненна.

⁴³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 1, стр. 21—22.

⁴⁴ Так, Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор по делу Б. и С., прекратив его в отношении подсудимых за недоказанностью обвинения. Необоснованности осуждения способствовало то, что суд положил в основу версии обвинения предположительные и противоречивые объяснения С. и свидетелей («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 21—23). См. также постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу И. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 32—35).

⁴⁵ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 1, стр. 29—31.

⁴⁶ «Социалистическая законность», 1964, № 3, стр. 47; См. также Л. Гусев. Об основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1959, стр. 16; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, стр. 135; Л. Ульянова. Недостаточность доказательств. «Социалистическая законность», 1970, № 12, стр. 39.

Не включают достоверность в понятие доказательства: В. З. Лукашевич. О понятии доказательства в советском уголовном процессе. «Правоведение», 1963, № 1, стр. 112—113; В. Я. Дорохов («Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», стр. 260); М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., «Наука», 1968, стр. 289; М. Л. Якуб. Советский уголовный процесс. Под ред. Д. С. Карева. М., «Высшая школа», 1968, стр. 101; П. А. Лупинская. «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 109.

⁴⁷ Доказательства — это сведения о фактах, а не сами факты объективной действительности. В силу ряда причин такие сведения могут быть неточными и заведомо ложными.

Трактовка же доказательств как достоверных сведений серьезно ограничит, урежет это право, ибо обяжет обвиняемого (и других участников процесса) реализовывать его при условии, что им заведомо известна достоверность представляемых в качестве доказательств данных. Во многих случаях это неисполнимое для таких лиц требование, ибо: а) они не располагают правовыми средствами проверки доказательств; б) определить, достоверно ли доказательство, можно лишь рассмотрев его в совокупности с другими доказательствами. Но для этого необходимо допустить данные сведения в качестве доказательств еще до проверки, до выяснения, достоверны ли они. Трактовка доказательств как сведений достоверных ущемит права участников процесса также потому, что даст повод к отказу в допущении в качестве доказательств представляемых ими данных по мотиву неизвестности, достоверны ли они.

Советский уголовно-процессуальный закон не считает достоверность обязательным свойством доказательства. Такой вывод основан на том, что закон требует оценки доказательств (а не сведений, которые после их оценки, т. е. после выявления их доброкачественности признавались бы доказательствами). Результатом оценки доказательства может быть признание его недостоверным; предусматривает собирание и представление доказательств на всем протяжении предварительного расследования и судебного следствия⁴⁸, т. е. и тогда, когда оценка доказательств в совокупности, необходимая для выявления их достоверности, еще невозможна.

Доказательства могут оказаться порочными, фальсифицированными. Показателен в этом отношении ряд тезисов, которыми сопровождалась публикация определений вышестоящих судов, например: «Обвинение не может быть основано на доказательствах, в отношении которых имеются основания полагать, что они искусственно созданы вторым лицом с целью сокрытия следов своего собственного преступления»⁴⁹; «доказательство, признанное порочным в отношении одного из подсудимых, не может быть положено в основу обвинения другого подсудимого...»⁵⁰.

Не являясь необходимым признаком судебного доказательства вообще, достоверность — обязательное качество тех из них, которые могут быть положены в основу обвинительных выводов; в основу вывода о наличии события преступления, наличия отягчающих вину обстоятельств, винов-

⁴⁸ Ст. 70 УПК РСФСР.

⁴⁹ «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР 1938—1969 гг.». Под ред. С. В. Бородина. М., «Юридическая литература», 1971, стр. 278 (разрядка моя. — Э. К.).

⁵⁰ Там же, стр. 279 (разрядка моя. — Э. К.).

ности обвиняемого (подсудимого). Такова позиция закона: в соответствии со ст. 43 Основ при постановлении обвинительного приговора виновность подсудимого должна быть бесспорно доказана; в соответствии со ст. 2 Основ ни один невиновный не может быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Это обязывает следователя (лицо, производящее дознание), суд тщательно проверять доказательства и, делая обвинительные выводы, отсеивать те из них, достоверность которых сомнительна.

В монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» утверждается: «...конечные выводы по делу могут быть основаны только на достоверных доказательствах»⁵¹. Мы не разделяем этого мнения, так как оно не соответствует закону и чревато нарушением прав личности в уголовном судопроизводстве: а) следствием такого мнения явится признание допустимым основывать вывод о наличии оснований для привлечения в качестве обвиняемого на недостоверных доказательствах, ибо к числу конечных такой вывод не относится. Это не согласуется со ст. 2 Основ и угрожает необоснованным привлечением к уголовной ответственности; б) критикуемая позиция означает необходимость доказанности невиновности как условия оправдания подсудимого, либо прекращения дела в отношении обвиняемого. В соответствии же с законом, постановление обвинительного приговора требует положительной и бесспорной доказанности виновности; обвинительные выводы должны основываться на достоверных доказательствах. Для вывода о невиновности такое требование не обязательно. Это относится как к оправдательному приговору (ст. 43 Основ), так и к прекращению дела в стадии предварительного расследования, предания суду, в кассационной и надзорной инстанциях (ст. 208, 234, 349 УПК РСФСР). Оправдательный приговор может быть постановлен в условиях, когда выявлена сомнительность доказательств, положенных в основу обвинения и не получено оправдывающих подсудимого доказательств, которые не вызвали бы сомнений в своей достоверности.

В силу приведенных соображений, указание ст. 314 УПК РСФСР о том, что в оправдательном приговоре «приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого», нельзя понимать как требование во всех случаях основывать вывод о невиновности подсудимого на достоверных доказательствах. Оправдательный приговор может быть следствием того (как мы уже отметили), что доказательства, положенные в основу обвинения, оказались недостоверными, недостаточными для вывода о виновности подсудимого.

⁵¹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая, стр. 260.

В таких случаях окончательный вывод — подсудимый невиновен — будет иметь своей основой то, что доказательства обвинения недостоверны, недостаточны. М. и Д. были осуждены за покушение на кражу общественного имущества, а М., кроме того, — за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах. Пленум Верховного Суда СССР признал, что по данному делу «не собрано достаточно доказательств, которые уличали бы М. и Д. в совершении преступления, и суд в обоснование вывода о их виновности сослался на путанные и противоречивые показания свидетеля К. и неконкретные показания самих осужденных, которые, однако, не получили надлежащей критической оценки следственных органов и суда. Между тем анализ упомянутых доказательств вызывает серьезные сомнения в их достоверности». Показав это в своем постановлении, Пленум прекратил дело в отношении М. и Д. за недоказанность предъявленного им обвинения⁵². Это постановление Пленума опубликовано под заголовком: «Противоречивые данные, собранные по делу, не могут быть признаны доказательством виновности осужденного» (разрядка моя. — Э. К.). Признание же подсудимого (обвиняемого) невиновным не требует, как видно и из приведенного дела М. и Д., наличия бесспорных доказательств невиновности. Такая позиция закона — серьезная гарантия прав и законных интересов обвиняемого.

В связи с изложенным, целесообразно уточнить редакцию ч. 2 ст. 314 УПК РСФСР. Ныне в ней, при определении содержания описательной части оправдательного приговора, указано: «...приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых было основано обвинение»⁵³. Такая формулировка может ориентировать суд на то, что в оправдательном приговоре должны быть приведены доказательства, оправдывающие подсудимого; что для признания гражданина невиновным такие доказательства должны иметься.

Это не согласуется с содержанием ст. 43 Основ, которая признает основанием для постановления оправдательного приговора как положительную доказанность невиновности подсудимого, так равно и недоказанность его виновности. Во втором из названных случаев не требуется наличия доказательств невиновности подсудимого. УПК ряда союзных республик содержат иное (отличающееся от имеющегося в ст. 314 УПК РСФСР) указание о мотивировке оправдательного приговора, которое точнее отражает существо оснований

⁵² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 1, стр. 31—34.

⁵³ Разрядка моя. — Э. К.

для постановления оправдательного приговора, предусмотренных ст. 43 Основ. Так, в соответствии со ст. 334 УПК Украинской ССР, в мотивировочной части оправдательного приговора необходимо привести «основания для оправдания подсудимого с указанием мотивов, по которым суд отвергает доказательства обвинения»⁵⁴.

Обязательным признаком доказательства является наличие связи фактических данных с предметом доказывания (ч. 1 ст. 16 Основ). В соответствии с этим, следовательно, суд обязаны принимать в качестве доказательств любые фактические данные, полученные в установленном законом порядке, если они связаны с предметом доказывания. Это служит обеспечению реальности права обвиняемого, защитника, подозреваемого представлять доказательства и возбуждать ходатайства об их истребовании.

Степень надежности указанной гарантии в значительной мере определяется тем, допускает ли закон произвольность в выводе следователя, суда о том, входят ли данные обстоятельства в предмет доказывания, т. е. от степени правовой регламентации предмета доказывания. С принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик такая регламентация значительно возросла, ибо Основы четко определили обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 15); дали понятие доказательства, включив в него указание о том, установление каких именно обстоятельств (наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность и др.) придает фактическим данным значение доказательства по делу. Все это усилило гарантии прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Предмет доказывания конкретизируется в нормах УПК союзных республик (ст.ст. 68 и — 9, 14, 74, 75, 76, 77, 410 и др. УПК РСФСР), а равно — в нормах уголовного закона.

Правовая регламентация предмета доказывания — гарантия всесторонности, полноты и объективности исследования: все, что может иметь значение для решения в соответствии с действительностью вопроса о виновности обвиняемого (подсудимого) должно быть выяснено следователем, судом. Так, обвинение не может считаться доказанным, если по делу не установлены место, время, способ и мотивы совершения преступления⁵⁵; не исследованы доказательства, могущие повлиять на степень и характер ответственности виновного⁵⁶; не исследованы обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о наличии причинной связи между действиями

⁵⁴ См. также УПК Латвийской ССР (ст. 313); Грузинской ССР (ст. 317); Эстонской ССР (ст. 274); Молдавской ССР (ст. 285).

⁵⁵ «Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного Суда СССР». М., Юриздат, 1940, стр. 75.

⁵⁶ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 4, стр. 11—12.

обвиняемого и наступившими последствиями⁵⁷; не выяснена личность обвиняемого⁵⁸.

Неполнота исследования обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации деяния, решения вопроса о наличии общественно опасного деяния, виновности подсудимого, ее степени и характере (если она не может быть устранена в судебном разбирательстве) обязывает суд возвратить дело для дополнительного расследования, либо истолковать сомнения в виновности обвиняемого в пользу обвиняемого (в случаях, когда пробелы следствия восполнить нельзя).

В соответствии с ч. 1 ст. 16 Основ доказательствами виновности могут признаваться лишь фактические данные, находящиеся в необходимой связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Отступление от этого ведет к сомнительным, не соответствующим действительности выводам о виновности обвиняемого (подсудимого); к грубому нарушению его законных интересов.

Ценные разъяснения, раскрывающие рассматриваемое качество доказательств, дает нам публикация практики Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. Так, схожесть способов преступления, сама по себе не может рассматриваться как доказательство по делу⁵⁹; доказанность участия лица в отдельных эпизодах преступной деятельности не дает оснований распространять этот вывод и на другие предъявленные эпизоды преступления, участие в которых не подкреплено убедительными доказательствами⁶⁰; обвинение не может считаться доказанным, если факты, приведенные в качестве улик в обоснование обвинения, имели или могли иметь место по обстоятельствам, опровергающим или не подтверждающим обвинение⁶¹; обвинение, основанное только на характеристике личности обвиняемого, лишенное доказательств его виновности в инкриминируемом преступлении, не может считаться доказанным⁶²; один лишь факт нахождения обвиняемого на месте преступления не является достаточным доказательством его вины в совершении этого преступления⁶³.

Помимо рассмотренных, обязательным признаком доказательства является также получение фактических данных в установленном законом порядке (ст. 16 Основ). Такой порядок включает: получение фактических данных из источников, предусмотренных законом; соблюдение процес-

⁵⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 5, стр. 34.

⁵⁸ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 9.

⁵⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 25.

⁶⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 2, стр. 28.

⁶¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. 6, стр. 28.

⁶² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. 1, стр. 26.

⁶³ «Советская юстиция», 1957, № 6, стр. 78.

суальных правил, установленных для каждого вида источников доказательств.

Данный порядок — необходимая и одна из наиболее существенных гарантий прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого (и других участников процесса), ибо закон: а) допускает в качестве источников доказательств такие, которые могут быть проверены⁶⁴; б) обеспечивает указанным лицам возможность принимать участие в проверке и исследовании доказательств⁶⁵; в) содержит такие правила, которые способствуют возможности оценки доказательств в соответствии с их подлинным значением. Г. был признан невменяемым и направлен судом на принудительное лечение. Во время прохождения лечения судебно-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. Уголовное дело в отношении Г. было возобновлено. При новом рассмотрении дела судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала Г. виновным. При этом суд положил в основу обвинительного приговора выводы судебно-психиатрической экспертизы, проведенной во время нахождения Г. в больнице, т. е. суд по существу не провел судебной экспертизы, для назначения и проведения которой законом установлен особый порядок. Пренебрежение этим порядком лишило обвиняемого и его защитника прав, предоставленных им законом (ст. 175 УПК РСФСР). Все это не могло не породить сомнения в достоверности вывода суда о вменяемости подсудимого. Вышестоящий суд отменил данный обвинительный приговор и направил дело на новое расследование⁶⁶.

Недопустимо противопоставлять содержание доказательства его форме, умалять значение последней. Предусмотренная законом процессуальная форма получения сведений, которые служат установлению обстоятельств дела — важная и необходимая гарантия соответствия этих сведений действительности. Всякое нарушение процессуального закона признается существенным, если оно хотя бы могло повлиять на постановление законного и обоснованного пригово-

⁶⁴ Напомним в связи с этим вывод Ф. Э. Дзержинского: «Опыт же мне показал, что неизвестным источникам, безнаказанным и не подлежащим проверке, доверять ни в коем случае нельзя» («Из истории Всесоюзной Чрезвычайной Комиссии 1917—1921 гг.», М., Госполитиздат, 1958, стр. 153).

⁶⁵ Так, лишь при условии, что обвиняемому (подсудимому) известен источник сведений, положенных в основу обвинительных выводов, он может сообщить следователю, суду сведения, опровергающие этот источник и, следовательно, опровергающие (или колеблющие) обвинительные выводы.

⁶⁶ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 8, стр. 11. По данному вопросу см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 37; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 5, стр. 14; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 1, стр. 9.

ра (ст. 345 УПК РСФСР). Соответственно этому, любое нарушение требований закона, относящихся к порядку получения доказательств, порождающее указанные предположения, делает доказательство порочным. Обосновывать такими данными обвинительные выводы недопустимо. Мы разделяем мнение, что доказательства, полученные преступным путем⁶⁷, связанные с незаконностью источника и существенным нарушением прав граждан⁶⁸, должны во всех случаях признаваться недопустимыми.

Усиление требовательности к соблюдению следователем, судом процессуальных правил, регламентирующих получение доказательств, — важное звено в усилении охраны прав и законных интересов личности в уголовном процессе.

Развитию советского уголовно-процессуального законодательства присуще усиление гарантий достоверности сведений, допускаемых в качестве доказательств. Это означает возрастание уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности. Процесс усиления гарантий достоверности названных сведений находит выражение в ряде решений закона. Так, законом ныне предусмотрена обязанность следователя, суда, если показания свидетеля основываются на сообщениях других лиц, допросить этих лиц (ст. 60 УПК Армянской ССР; ст. 67 УПК Азербайджанской ССР; ст. 65 УПК Туркменской ССР; ст. 68 УПК УССР); расширено участие специалиста при совершении следственных и судебных действий и определены его права и обязанности (ст. 133' УПК РСФСР); установлен правовой порядок предъявления для опознания (ст.ст. 164—166 УПК РСФСР); определены основания и порядок проведения следственного эксперимента (ст. 183 УПК РСФСР); уточнен и детализирован порядок допроса обвиняемого и свидетеля, потерпевшего (ст.ст. 150—152, 158—161 УПК РСФСР). При этом прямо предусмотрен запрет задавать свидетелю и потерпевшему наводящие вопросы⁶⁹; установлен порядок подписания протокола допроса лица, не владеющего языком, на котором производился допрос, а равно лиц, которые не могут подписать протокол допроса (или другого следственного действия)

⁶⁷ «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая». М., «Юридическая литература», 1966, стр. 279.

⁶⁸ См. Г. Резник. Оценка доказательств судом. «Советская юстиция», 1971, № 12, стр. 20.

⁶⁹ К допросу обвиняемого ст. 151 УПК РСФСР такого требования не предъявляет. По аналогии (мы разделяем мнение о допустимости аналогии уголовно-процессуальных норм) данное требование относится и к допросу обвиняемого, подозреваемого.

УПК Азербайджанской ССР (ст. 177) закрепил запрет наводящих вопросов при опознании. Такая позиция заслуживает поддержки. Представляется, что запрет задавать наводящие вопросы целесообразно конструировать в качестве общей нормы, охватив ею случаи допросов, очной ставки, предъявления для опознания, проведения следственного эксперимента.

в силу физических недостатков (ст. 142 УПК РСФСР); предусмотрена обязанность фиксации в протоколе следственного действия причин, по которым обвиняемый, подозреваемый или свидетель отказываются подписать этот протокол (ст. 142 УПК РСФСР); определены права и обязанности понятых (ст. 135 УПК РСФСР); предусмотрено право секретаря судебного заседания в случае разногласия с председательствующим по поводу содержания протокола приложить к протоколу свои замечания, подлежащие рассмотрению составом суда (ст. 244 УПК РСФСР); введена звукозапись и установлен порядок ее проведения и воспроизведения (ст. 141¹ УПК РСФСР).

Звукозапись допросов, а также очной ставки⁷⁰ — серьезная гарантия прав и законных интересов личности. Нельзя, однако, не замечать такого истолкования данного нововведения, при котором его применение может затруднить установление истины. Так, утверждается, что достоинством (!) применения звукозаписи в судебном заседании является то, что при звукозаписи «легко напомнить подсудимому и свидетелю содержание его прежних показаний, если он их забыл»⁷¹. Но задача суда состоит в том, чтобы установить, как обстояло дело в действительности. Для этого суд должен (умело применяя тактические приемы) выявить, что же действительно известно свидетелю, подсудимому, потерпевшему. Действия судей, которые вместо этого напоминают названным лицам ранее данные ими показания, невольно подтягивают сообщаемое ими в суде к тому, что зафиксировано в протоколе допроса при предварительном расследовании. Такие действия подрывают самостоятельность судебного следствия, противоречат задаче установления истины.

В связи с этим важно подчеркнуть, что закон не допускает оглашения протоколов ранее данных показаний по такому основанию, как запоминание подсудимым, свидетелем, потерпевшим сведений, отраженных в протоколе допроса (ст.ст. 281, 286 УПК РСФСР). Задача суда (равно следователя) не закрепить однажды данные показания, а установить в случае полного отказа от прежних показаний или их частичного изменения, какие именно из сообщенных сведений соответствуют действительности. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» сказано: «В случае изменения подсудимым своих показаний, данных в процессе предварительного следствия или

⁷⁰ УПК Литовской ССР (ст. 114¹) предусматривает применение звукозаписи не только при допросах, но и при проведении других следственных действий.

⁷¹ «Социалистическая законность», 1970, № 7, стр. 60 (разрядка моя.— Э. К.).

дознания, суд должен тщательно проверить те и другие его показания, выяснить причины изменения показаний и в результате их тщательного исследования в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, дать им надлежащую оценку»⁷².

Звукозапись помогает с наибольшей точностью зафиксировать показания. В этом ее большое значение, в том числе — для защиты обвиняемым своих интересов и прав: ныне обвиняемый наделен правом просить о применении звукозаписи (ст. 141' УПК РСФСР). Но нельзя расценивать звукозапись как абсолютную гарантию достоверности полученных при ее применении показаний; как средство, ставящее такие показания в преимущественное с точки зрения их достоверности положение перед показаниями, полученными без применения звукозаписи.

Иной взгляд опасен. Он может, в частности, побудить следователя добиваться сознания обвиняемого взамен полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Сознание, полученное при применении звукозаписи, равно подчинено требованию ст. 77 УПК РСФСР: оно может быть положено в основу обвинительных выводов лишь при подтверждении совокупностью объективных данных. Звукозапись — способ фиксации сознания, но отнюдь не средство, гарантирующее его объективность по существу. Звукозапись не «удваивает» сознания. И при ее применении оно может быть и ошибочным и ложным. По групповому делу обвиняемый К. Ш. признал себя виновным. Его показания были записаны на магнитофонную ленту. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала, что, «несмотря на это», достоверность таких показаний вызывает сомнение. Это послужило одним из оснований к отмене приговора по данному делу⁷³.

Процесс укрепления гарантий достоверности сведений, допускаемых в качестве доказательств, свойственный советскому уголовному процессу, не исчерпан.

Так, внимание привлекает такой частный вопрос, как вопрос о понятых. Понятые призваны гарантировать своим участием достоверность сведений, фиксируемых в протоколе следственного действия (ст. 135 УПК РСФСР). Действенность этой гарантии в значительной мере определяется тем, ответственно ли понятые подходят к исполнению своих обязанностей. Учитывая, что невнимательность понятых чревата неустраняемыми (либо трудно устранимыми) пробелами следствия, представляется необходимым дополнить закон следующими указаниями: а) одновременно с разъяснением понятым прав

⁷² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.». М., «Известия», 1970, стр. 520.

⁷³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 1, стр. 35.

и обязанностей (ст. 135 УПК РСФСР) им должно быть сообщено, что они могут быть допрошены в будущем в качестве свидетелей об обстоятельствах следственного действия, совершения с их участием; б) в случае явно небрежного исполнения своих обязанностей следователь, прокурор, суд имеют право сообщить об этом по месту их работы или учебы.

Понятые должны знать и понимать свои права и обязанности. Для обеспечения этого следует точно фиксировать в протоколе следственного действия, какие обязанности и права разъяснены понятым (а не ограничиваться фразой «обязанности и права понятым разъяснены»).

Ответственной задачей усиления гарантий достоверности содержания протокола судебного заседания. С этой целью следовало бы обеспечить в судебном разбирательстве свидетелям, потерпевшим права, которыми они пользуются при допросе на предварительном следствии: знакомиться с записью своих показаний (в данном случае в протоколе судебного заседания) и требовать внесения необходимых уточнений и изменений. Отметим, что такое решение в прошлом было известно нашему судопроизводству. По правилам инструкции «Об организации и действии местных народных судов» от 23 июля 1918 г. свидетели подписывали показания, данные ими в суде⁷⁴. Предлагаемое имеет значение, на наш взгляд, как для обеспечения законности и обоснованности приговоров, законных интересов подсудимого и других участников судебного разбирательства, так и для обеспечения законных интересов свидетеля: будучи уголовно-ответственным за заведомую ложность показаний, свидетель (как и потерпевший) заинтересован в предельной точности фиксации показаний в протоколе судебного заседания⁷⁵.

7

Фактическая возможность использования обвиняемым, подозреваемым их прав, степень реальности таких прав находится в прямой зависимости от того, знают ли обвиняемый, подозреваемый, какими правами они наделены и принимают ли их сущность и значение. Субъективные права граждан имеют тем большее практическое значение, чем лучше граждане осведомлены о них⁷⁶. Такая осведомленность в уголовном судопроизводстве имеет особое значение, так как

⁷⁴ СУ РСФСР 1918 г. № 53, ст. 597.

⁷⁵ С тем, чтобы не затягивалось изготовление протокола судебного заседания, право ознакомиться с записью своих показаний можно было бы представлять свидетелю в день допроса.

⁷⁶ Отметим, что еще в 1925 г. постановлением III съезда Советов СССР было признано, что для укрепления законности важны меры «познакомлению населения с законами и с порядком обжалования незаконных действий властей», важна, следовательно, правовая грамотность граждан, в том числе знание ими своих прав (СЗ СССР 1925 г. № 35, ст. 247).

а) уголовное судопроизводство, чаще всего непривычная, неизвестная для граждан сфера деятельности; б) факт привлечения к делу в качестве обвиняемого, подозреваемого обычно связан с моральными потрясениями и переживаниями, что может сказаться на способности гражданина понять, осмыслить те правовые средства защиты, которые предоставляет ему закон.

В социалистическом уголовном судопроизводстве возможность использования гражданами предоставленных им прав не может обуславливаться их юридической осведомленностью. Принципиальное значение имеет публикация одного из определений вышестоящего суда под заголовком: «Согласие подсудимого на рассмотрение дела без защитника, вызванное отсутствием защитника и неосведомленностью подсудимого о его праве на защиту, не может рассматриваться как отказ от защитника»⁷⁷.

В силу подлинного демократизма советского уголовного судопроизводства, государство в лице его должностных лиц берет на себя обязанность разъяснять участвующим в процессе лицам их права. Это служит одной из гарантий равноправия по существу граждан, выступающих в процессе в одинаковом процессуальном качестве (обвиняемых, либо потерпевших и т. д.).

Изложенное свидетельствует о большой важности, ответственности — в системе обязанностей следователя, прокурора, суда, гарантирующих процессуальные права граждан — такой их обязанности, как «разъяснить участвующим в деле лицам их права...» (ст. 27 Основ). Следует подчеркнуть, что закон обязывает названных лиц (и органы) не уведомлять граждан о их процессуальных правах, а именно разъяснить их. Простое перечисление обвиняемому, подозреваемому прав одним из названных должностных лиц было бы нарушением требования ст. 27 Основ. Так как рассматриваемая обязанность является необходимой гарантией реальности прав и интересов обвиняемого, неисполнение ее влечет направление дела для производства дополнительного расследования; отмену приговора; отмену определения вышестоящего суда⁷⁸.

Обязанность разъяснения прав обвиняемому предъявляет соответственно к суду, прокурору, следователю требование сообщать обвиняемому информацию, необходимую для уяснения им существа и пределов того поведения, тех действий, возможность которых для обвиняемого предусмотрена зако-

⁷⁷ «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969 гг.)». М., «Юридическая литература», 1971, стр. 318 (разрядка моя.— Э. К.).

⁷⁸ «Социалистическая законность», 1965, № 7, стр. 87; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 6, стр. 16.

ном и гарантирована им. Данная обязанность, как никакая другая не допускает формализма при ее исполнении. Характер разъяснения должен соответствовать культурному, образовательному уровню обвиняемого (подозреваемого), его житейскому опыту. Объем и содержание информации, которая должна быть сообщена, не произвольны, они предопределены указаниями закона. Так, разъяснение обвиняемому права давать объяснения по предъявленному обвинению включает объяснение ему, что он будет допрошен немедленно по предъявлении обвинения; может требовать допроса в ходе предварительного расследования; будет допрошен в судебном разбирательстве; во время допроса может давать показания по предъявленному обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств дела и имеющихся в деле доказательств; не обязан давать показания и отказ от показаний не может расцениваться как доказательство его виновности (ст. 20, 77, 150, 280 УПК РСФСР). Вместе с тем необходимо разъяснить обвиняемому значение, придаваемое законом чистосердечному раскаянию (п. 9 ст. 38 УК РСФСР).

Известно, что при расследовании и разрешении уголовных дел все еще допускаются нарушения прав обвиняемого. Важно поэтому проследить, достаточно ли закон гарантирует разъяснение обвиняемому процессуальных прав, ибо недостаточная информированность о правах способствует возможности их нарушения отдельными судьями, прокурорами, следователями.

Советский уголовно-процессуальный закон достаточно последователен в том, что касается закрепления обязанности указанных лиц разъяснять обвиняемому его права. В этом — одно из больших его достоинств. Помимо ст. 27 Основ (ст. 57 УПК РСФСР) имеется ряд норм, конкретизирующих это общее требование Основ; обязывающих разъяснять обвиняемому его права на различных этапах процесса и при совершении ряда действий. Так, предусмотрено разъяснение обвиняемому (подсудимому) прав при предъявлении обвинения; назначении экспертизы; при допросе (о праве отвода переводчика); в момент объявления об окончании предварительного следствия или дознания; в подготовительной части судебного разбирательства. Приговор должен содержать указания о порядке и сроке кассационного обжалования (ст.ст. 149, 151, 185, 201, 273, 317 УПК РСФСР).

Однако закон не во всех случаях закрепляет достаточные гарантии того, что разъяснение прав не будет подменено простым перечислением их. Особенно важно не допустить такой подмены при предъявлении обвинения, ибо в этот момент обвиняемый информируется о всей совокупности прав, предусмотренных ст. 46 УПК РСФСР. Как известно, на бланках постановлений в привлечении в качестве обвиняемого

приведен перечень его прав (указанных в ст. 46 УПК РСФСР). Подпись обвиняемого под таким перечнем может служить доказательством того, что этот перечень обвиняемым прочитан (либо зачитан ему следователем)⁷⁹. Но такая подпись не может расцениваться как гарантия разъяснения обвиняемому прав.

Признавая недостаточную обеспеченность разъяснения прав при выполнении ст. 149 УПК РСФСР, В. Савицкий предлагает ввести протоколирование данного действия⁸⁰. Мы разделяем это предложение по тем соображениям, что факт совершения действия должен удостоверяться в соответствии со ст. 141 УПК РСФСР именно составлением протокола.

С целью же усилить гарантии точного исполнения столь ответственного требования закона, каким является рассматриваемое указание ст. 27 Основ; с целью усиления гарантий разъяснения обвиняемому прав следовало бы: а) предусмотреть в законе обязательное отражение в протоколе соответствующего действия мнение защитника (присутствующего при разъяснении обвиняемому его прав) о том, все ли права и в должной ли мере обвиняемому объяснены; б) расширить случаи, когда присутствие защитника, допущенного в соответствии с законом к участию на предварительном следствии, при разъяснении прав обвиняемому является обязательным. На наш взгляд, такое участие (помимо акта предъявления обвинения) следует признать обязательным при разъяснении обвиняемому прав в порядке ст. 184 УПК РСФСР и при окончании предварительного следствия.

Представляется необходимым усилить гарантии осведомленности о своих правах и для подозреваемого. Так, названные гарантии возрастут, если права будут разъясняться подозреваемому не перед допросом (как это ныне предусмотрено в ст. 123 УПК РСФСР), а при составлении протокола о задержании, либо в момент объявления постановления о применении меры пресечения.

Обвиняемому при предъявлении обвинения и подозреваемому важно вручать перечень разъясненных прав. Это можно будет обеспечить, если: бланки протокола задержания и постановления о применении к подозреваемому меры пресечения будут содержать перечень его прав (бланки постановлений о привлечении в качестве обвиняемого этот перечень со-

⁷⁹ В соответствии со ст. 149 УПК РСФСР подписью обвиняемого удостоверяется отметка о разъяснении ему прав, которую делает следователь на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

⁸⁰ См. В. Савицкий. Роль практики в развитии и совершенствовании демократических основ советского правосудия. «Социалистическая законность», 1967, № 1, стр. 27—28. Отметим, что подобное протоколирование установлено законом при разъяснении обвиняемому прав, предусмотренных ст. 185 УПК РСФСР.

держат); копия каждого из названных актов будет вручаться соответственно обвиняемому или подозреваемому.

О необходимости права получить копию соответствующего из названных актов свидетельствуют также и такие соображения. Свои права обвиняемый (подозреваемый) использует в связи и по поводу того, в чем его обвиняют (подозревают). Поэтому важно, чтобы четкое представление о предъявленном обвинении (либо о том, в чем лицо подозревают) обвиняемый (подозреваемый) имел на протяжении всего расследования (срока пребывания в положении подозреваемого). Этому послужит вручение копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого или протокола задержания, либо постановления о применении меры пресечения. Отметим, что такое решение вопроса согласовывалось бы с предусмотренным законом требованием вручать подсудимому копию обвинительного заключения (а при изменении обвинения, списка лиц, подлежащих вызову в суд, меры пресечения — и копии определения или постановления о предании суду. Ст. 237 УПК РСФСР).

УПК РСФСР требование разъяснять обвиняемому права адресует конкретно к определенной группе таких прав (см. ст.ст. 149, 184, 201, 273 УПК РСФСР). За пределами последней остается ряд прав обвиняемого, что может умалять гарантии их реальности. Так, очень важными для защиты своих интересов правами обвиняемый пользуется при допросе: требовать дополнения протокола и внесения в него изменений; собственноручно изложить показания после допроса; ходатайствовать о применении при допросе звукозаписи. Однако ст.ст. 151, 152 УПК РСФСР требования о разъяснении этих прав не содержат. На практике в протоколах допроса, как правило, получает отражение осведомленность обвиняемого о первом из названных прав. На наш взгляд, такие права целесообразно разъяснять обвиняемому при предъявлении обвинения, а также перед его первым допросом. Это должно фиксироваться в протоколе допроса. В протоколе любого следственного действия должно фиксироваться разъяснение присутствующему обвиняемому (подозреваемому) прав, которыми он пользуется при совершении данного действия. Усилению гарантий этого отвечало бы дополнение ст. 141 УПК РСФСР, определяющей содержание протокола следственного действия, требованием фиксировать в нем факт разъяснения прав (ст. 141 УПК РСФСР ограничивается требованием отражать в названном протоколе разъяснение права делать замечания). Такое указание имеется в ст. 85 УПК Украинской ССР, регламентирующей содержание протокола следственного действия.

Обвиняемый наделен правом возражать против прекращения дела по таким нереабилитирующим основаниям, как

давность, амнистия, помилование. Для усиления гарантий этого права обвиняемого представляется необходимым установить протоколирование разъяснения обвиняемому названного права в случаях, когда следователь считает необходимым применить одно из таких оснований прекращения. В таком протоколе следует указывать, что обвиняемому разъяснено правовое значение данного основания прекращения и что он не возражает (или возражает) против прекращения дела по данному основанию. Если обвиняемый возражает против прекращения дела, составление предлагаемого протокола будет служить объяснением, почему, несмотря на наличие основания для прекращения дела, производство по нему продолжается. Введение в практику составления такого протокола придаст ей однородность в рассматриваемом вопросе.

Ныне закон не содержит указаний, кто и в каком порядке разъясняет обвиняемому его права в стадии предания суду. Это приводит к тому, что о таких правах обвиняемый зачастую вообще не уведомляется. Такое противоречащее ст. 27 Основ положение необходимо изменить, например, путем возложения на прокурора обязанности обеспечить разъяснение обвиняемому названных прав (а не только уведомить обвиняемого о том, в какой суд направлено его дело, что предусмотрено ныне ст. 217 УПК РСФСР).

Значительными и очень ответственными правами пользуется осужденный и оправданный в связи с кассационным обжалованием и опротестованием приговоров, в их числе правом знакомиться с поступившими на приговор кассационными жалобами и кассационным протестом; подать на них свои возражения; просить о вручении копии протеста или жалобы потерпевшего; подать дополнительную кассационную жалобу; представить в суд второй инстанции новые материалы; ходатайствовать о восстановлении кассационного срока (ст.ст. 327—330, 337 УПК РСФСР)⁸¹. Необходимость разъяснения осужденному и оправданному таких прав вытекает из ст. 27 Основ. Однако конкретных указаний (подобных имеющимся в ст. 149, 185 УПК РСФСР) о разъяснении этих прав в за-

⁸¹ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» предусмотрено: суды обязаны в порядке, установленном республиканским законодательством, извещать участников процесса о поданных по делу частных жалобах и частных протестах. Суды также должны разъяснять им право знакомиться с жалобой или протестом, принести на них свои возражения, представить в кассационную инстанцию дополнительные материалы и дать объяснения суду в кассационном заседании как в тех случаях, когда определение суда первой инстанции (постановление судьи) может быть обжаловано и опротестовано, так и в случаях, когда, согласно закону, оно может быть только опротестовано. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 11).

коне нет. Закон не определяет, на ком (суде первой или второй инстанции) лежит такая обязанность и не устанавливает порядка фиксирования ее исполнения. Это умаляет гарантии разъяснения осужденному и оправданному названных выше прав. Для устранения этого представляется возможным установить в законе: вручение копии приговора оправданному и осужденному, не лишенному свободы, непосредственно судьей, который и будет при этом разъяснять данным лицам права, предоставленные им при кассационном обжаловании и опротестовании приговоров; составление об этом протокола. Осужденному, содержащемуся под стражей, письменное разъяснение рассматриваемых прав может вручаться в том же порядке, в котором ныне вручается копия приговора (и вместе с этой копией).

Представляется также, что регламентация законом процедуры судебного заседания суда второй инстанции должна включать четкое указание о необходимости разъяснения прав осужденному, оправданному (равно потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику). Ныне же указаний об этом в ст. 338 УПК РСФСР нет.

Важным и подлинно гуманным является решение о недопустимости прекращения уголовного дела за смертью обвиняемого, если дальнейшее производство необходимо для реабилитации умершего (п. 8 ст. 5 Основ). Дополнение закона указанием на обязанность следователя, когда он прекращает дело по данному основанию, извещать об этом близких умершего и разъяснять им право ходатайствовать о продолжении производства по делу в целях реабилитации умершего, усилит гарантии приведенного указания закона. Такие меры представляются необходимыми и в отношении общественной организации по месту прежней работы (учебы, жительства) умершего. Ибо эти организации вправе ставить вопрос о реабилитации умершего. Предлагаемое будет способствовать укреплению правовых возможностей общественных организаций в деле защиты интересов граждан, их чести и достоинства.

Внимания требует вопрос о разъяснении прав подозреваемому. Мы разделяем мнение процессуалистов, считающих, что помимо прав, названных в ст. 52 УПК РСФСР, подозреваемому необходимо разъяснять также права, предусмотренные ст.ст. 64, 66, 70, 123, 152 УПК РСФСР⁸². Подозреваемому должны разъясняться права, предусмотренные ст. ст. 61', 141', 151 УПК РСФСР. Вместе с тем мы не согласны с тем, что разъяснение подозреваемому, в чем он подозревается, «ограничивается указанием на самый факт преступ-

⁸² «Научно-практический комментарий УПК РСФСР». М., «Юридическая литература», 1970, стр. 178.

ления (без упоминания возможной юридической квалификации содеянного)»⁸³. Для такого ограничения информации, сообщаемой подозреваемому при разъяснении рассматриваемого права, закон оснований не дает. Законом установлено: подозреваемому должно быть объявлено, «в совершении какого преступления он подозревается»⁸⁴ (ст. 123 УПК РСФСР). Но преступление — всегда такое действие или бездействие, которое имеет определенную уголовно-правовую квалификацию. Следовательно, разъяснение подозреваемому, в каком преступлении он подозревается обязательно включает сообщение ему уголовного закона, применение которого возможно к действиям, в совершении которых он подозревается. Для осуществления подозреваемым своей защиты ему важно знать как фактическую сторону, так и юридическую оценку того, в чем его подозревают.

Подведем итог изложенному. Советский уголовно-процессуальный закон обязывает суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, разъяснять обвиняемому и подозреваемому все их права, что является необходимой и существенной гарантией возможности фактического осуществления этих прав. Ст. 27 Основ предусматривает такую обязанность как общую, относящуюся ко всем участвующим в деле лицам и каждому из их прав. Однако при конкретизации данной обязанности УПК союзных республик не охватывают в настоящее время всей совокупности прав обвиняемого (равно и подозреваемого), что может ослабить степень реальности некоторых из них. Это делает необходимым дальнейшее совершенствование, дальнейшую конкретизацию в нормах УПК обязанности, предусмотренной ст. 27 Основ.

8

Существенной гарантией прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого (и иных участников процесса) является обязанность следователя, прокурора, суда мотивировать принимаемые решения.

Мотивировка — обоснование в процессуальном акте названными лицами принятых ими решений; объективизация, выражение во вне тех доводов, соображений, в силу которых они придали доказательствам именно такое значение; признали установленными (не установленными) определенные обстоятельства; признали подлежащим применению данный закон.

⁸³ «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», стр. 179 (разрядка моя. — Э. К.).

⁸⁴ Разрядка моя. — Э. К.

Значение мотивировки как важного и необходимого средства обеспечения прав и законных интересов обвиняемого (и других участников процесса) определяются тем, что:

а) мотивировка — действенная форма самоконтроля следователя, прокурора, суда и судьи за законностью и обоснованностью принимаемого постановления, определения, приговора⁸⁵. Данное требование побуждает каждого из названных лиц тщательно оценить, проанализировать имеющиеся доказательства, осмыслить установленные факты, а также нормы закона под углом зрения существа принимаемого решения. Такая мыслительная, аналитическая деятельность помогает в одних случаях убедиться в правильности принимаемого решения, в других — вскрыть пробелы в исследовании обстоятельств дела, ошибки в толковании фактов и закона, предотвращая тем самым не соответствующие обстоятельствам дела и закону решения. Мотивировка оказывает воздействие на само формирование внутреннего убеждения следователя, прокурора, суда и их правовых суждений, содействуя тому, чтобы такое убеждение и такие суждения отражали факты действительности и требования закона.

Если освободить следователя, прокурора, суд от обязанности мотивировать свои решения, это открывает путь к поверхностному исследованию обстоятельств дела, к случайному (а не необходимому) применению закона, т. е. путь к судебным ошибкам, к нарушению прав и законных интересов личности;

б) мотивировка служит гарантией прав и законных интересов личности также тем, что она содействует возможности надзора за законностью и обоснованностью процессуальных актов со стороны прокурора и вышестоящих судов (в пределах их компетенции). Мотивировка проверяемого прокурором, вышестоящим судом соответственно постановления, определения, приговора помогает вскрыть ошибки в суждениях следователя, суда, которые свидетельствуют о незаконности и необоснованности принятого решения (либо ставят под сомнение законность и обоснованность проверяемого акта).

Вместе с тем обязанность проверяющего (прокурора, вышестоящего суда) мотивировать свои выводы по вопросу о законности и обоснованности данного акта содействует законности и обоснованности таких выводов, а также помогает объяснить следователю, суду, в чем состоит их ошибка; содействует устранению выявленных нарушений и ошибок и, что очень важно, их недопущению в будущем. Мотивировка ука-

⁸⁵ Мы разделяем мнение П. Пашкевича о том, что мотивировка — это не только средство выражения, но и метод обеспечения правосудности приговоров («Советская юстиция», 1967, № 9, стр. 9).

заний прокурора, определений, постановлений суда (о направлении дела на дополнительное расследование и других) — форма конкретного обучения следователей, судей правильному пониманию и применению закона⁸⁶;

в) мотивировка постановлений, определений, приговора дает возможность обвиняемому, подсудимому, подозреваемому узнать и понять, какие соображения положены следователем, прокурором, судом в основу своего решения. Это служит обеспечению реальности столь важного права названных лиц, каким является право на обжалование решений следователя, прокурора, суда;

г) мотивировка является серьезной гарантией для обвиняемого защищать свои интересы путем дачи показаний, ибо она обязывает, при составлении обвинительного заключения, а также приговора указывать, почему отвергнуты те или другие объяснения обвиняемого (ст.ст. 205, 314 УПК РСФСР). Суд не может безмотивно отвергнуть показания подсудимого в свою защиту, а должен указать в приговоре, почему он им не верит и чем они опровергаются⁸⁷. Мотивировка, таким образом, служит тому, чтобы показания обвиняемого были учтены, приняты во внимание следователем, прокурором, судом.

Значение мотивировки выходит за рамки данного конкретного дела, поскольку практика вынесения мотивированных актов: 1) содействует формированию логичности мышления судей, прокуроров, следователей; 2) развивает у названных лиц навыки правового анализа; 3) способствует выработке уважения к закону. Все это необходимые качества для процесса познания в области уголовного судопроизводства.

Советское уголовно-процессуальное законодательство с самого начала выдвинуло требование мотивированности решений (практически приговора). Указания о содержании мотивировки приговора были даны уже в Инструкции «Об организации и действиях местных народных судов» от 23 июля 1918 г. Статья 39 данной Инструкции требовала обоснования приговора, что конкретизировалось в примерной форме приговора (имевшейся в инструкции). В соответствии с ней в приговоре следовало указывать, что суд «приняв во внимание сознание обвиняемого (или показания свидетелей, или другие

⁸⁶ В этом отношении характерно дело Г. Суд первой инстанции изменил квалификацию его действий со ст. 77 на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Кассационная инстанция оставила приговор без изменений. Надзорная инстанция, считая, что для такого изменения квалификации оснований нет, обстоятельно мотивировала свое решение. Вместе с тем ею было отмечено, что решение суда первой инстанции и разделившей его кассационной инстанции о необходимости изменения квалификации «по существу ничем не мотивированы» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 1, стр. 6).

⁸⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 40.

обстоятельства дела), выслушав обвиняемого и его последнее слово», постановил...»⁸⁸.

УПК РСФСР 1923 г. не обязывал судей мотивировать приговор. Необходимость этого была признана Первым Всесоюзным совещанием судебно-прокурорских работников⁸⁹. Содержание мотивировки приговора определяло методическое письмо «О судебном приговоре», утвержденное Циркуляром Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР, в соответствии с которым «мотивировка приговора должна заключаться не в том, чтобы указывать, почему суд поверил такому-то свидетелю, а не поверил другому, почему он придал значение одним доказательствам и не придал значения другим, хотя могут быть случаи, когда вполне уместно изложить в приговоре и мотивы такого рода. Но обязательным содержанием мотивировочной части приговора должно являться указание на те доказательства, которые суд кладет в основу приговора»⁹⁰.

Таким образом, из содержания мотивировки приговора исключался (или во всяком случае не признавался обязательным) ее существенный элемент — изложение соображений, раскрывающих внутреннее убеждение судей о значении рассмотренных ими доказательств.

Этого серьезного недостатка не было в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», которое обязывало суд конкретно указывать доказательства, положенные в основу обвинения или оправдания с приведением мотивов, почему он принял эти доказательства, а равно почему те или другие из имеющихся доказательства судом отвергнуты⁹¹.

Большим шагом вперед явилось определение содержания мотивировки приговора в ныне действующих УПК союзных республик. Ст. 314 УПК РСФСР определяет содержание мотивировки как обвинительного, так и оправдательного приговора. Мотивируя обвинительный приговор, суд должен привести доказательства, на которых основаны выводы суда, мотивы, по которым суд отверг другие доказательства, основания признания части обвинения необоснованной, мотивы из-

⁸⁸ СУ РСФСР 1918 г. № 53, ст. 597.

Нельзя не отметить, что в данной форме приговора проскальзывала мысль об особом значении сознания обвиняемого. Такого недостатка не было в Положении о полковых судах от 10 июня 1919 г., требовавшего, чтобы в приговоре приводились «принятые судом в соображение доказательства по делу» (СУ РСФСР 1919 г. № 31—32, стр. 326). Подобным же было решение, содержащееся по рассматриваемому вопросу в УПК РСФСР 1922 г. (см. ст. 338).

⁸⁹ «За социалистическую законность», 1934, № 5, стр. 37.

⁹⁰ «За социалистическую законность», 1934, № 9, стр. 50.

⁹¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», 1964, стр. 336.

менения обвинения и других решений (например, о признании осужденного особо опасным рецидивистом). В оправдательном приговоре приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых было основано обвинение. На наш взгляд, в содержание мотивировки входят указания на признанные судом установленными обстоятельства. Без этого невыполнимо требование ст. 314 УПК РСФСР «привести мотивы» применяемого судом условного осуждения, освобождения подсудимого от наказания и ряда других решений.

На необходимость тщательного исполнения требований ст. 314 УПК РСФСР о мотивировке обращено серьезное внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г.⁹²

Ссылка на доказательства, предусмотренная ст. 314 и некоторыми другими нормами (например, ст. 205 УПК РСФСР), обязывает суд, в соответствующих случаях лицо, производящее предварительное расследование, прокурора, указывать не только источник доказательств, но обязательно и фактические данные, полученные из него. Это с необходимостью следует из закона (см. ст. 16 Основ). Пленум Верховного Суда СССР разъяснил: «судам необходимо в приговоре указывать не только фамилии свидетелей, потерпевших и иных лиц, показаниями которых, по мнению суда, подтверждаются те или иные фактические обстоятельства, но и излагать существо этих показаний»⁹³.

Ссылка на один источник — в случаях, когда закон требует приводить доказательства — оставляет вывод следователя, суда по существу не мотивированным. Несмотря на серьезность таких нарушений, подобная «мотивировка» не всегда получает правильную оценку в теоретических работах и еще не изжита на практике⁹⁴.

⁹² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг.», М., «Известия», 1970, стр. 520—525.

⁹³ Там же, стр. 520.

⁹⁴ В приговоре по делу Л. указывалось: «...Винным себя Л. признал. Считая обвинение доказанным, суд ...». По мнению П. Пашкевича, такой приговор является не мотивированным потому, в частности, что в нем не приведены доказательства виновности Л. кроме ссылки на его признание («Советская юстиция», 1967, № 9, стр. 9). Таким образом, приведенное выше П. Пашкевич расценил как ссылку на доказательство, на признании подсудимого. В действительности это не так, ибо суд не привел фактические данные, сообщенные подсудимым Л., признавшим себя виновным. Если же подсудимый по данному делу таких данных вообще не сообщил; если он ограничился одним утверждением «виновным себя признаю», суд нарушил ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, ибо он расценил как доказательство то, что такого значения не имеет. Правильные соображения о том, какой должна быть ссылка на показания подсудимого приведены П. Ф. Пашкевичем в работе: «Объективная истина в уголовном судопроизводстве». М., Госюриздат, 1961, стр. 144).

Подводя итог изложенному, мы имеем основания сделать вывод, что требование мотивировки приговора по мере развития советского уголовно-процессуального законодательства возрастало и конкретизировалось. Стремление законодателя обеспечить достаточно полное объяснение следователем, судом, почему принято именно данное решение, отвечает задаче усиления гарантий прав и законных интересов личности.

Представляется, что такой процесс развития советского уголовно-процессуального законодательства еще не завершен. Так, ст. 314 УПК РСФСР не требует мотивировки, например, решения по гражданскому иску. Названное решение может серьезно затрагивать интересы и государства, и личности, что свидетельствует о необходимости его обоснования в приговоре⁹⁵.

Ст. 314 УПК РСФСР предусматривает мотивировку меры наказания «в необходимых случаях». На наш взгляд, она требуется всегда⁹⁶, поскольку решение о мере наказания всегда существенно для осужденного; мотивировка служит его законности и обоснованности.

Пленум Верховного Суда СССР по существу признал обязательность мотивировки решения о мере наказания, разъяснив, что «в приговоре необходимо указывать, какие конкретные обстоятельства, свидетельствующие о характере и степени общественной опасности преступления, а также личности виновного, учтены судом при избрании меры наказания»⁹⁷. Для согласования такой позиции со ст. 314 УПК РСФСР представляется необходимым соответствующее уточнение данной нормы.

Подлинно гуманным, отвечающим интересам личности, является разъяснение Пленума о том, что суду следует мотивировать применение лишения свободы во всех случаях, когда санкция уголовного закона предусматривает также и более мягкие меры наказания, а равно обязательность мотивировки смертной казни⁹⁸.

⁹⁵ Этого требует, например, ст. 334 УПК Азербайджанской ССР.

⁹⁶ Такова позиция УПК ряда союзных республик (ст. 317 УПК Грузинской ССР; ст. 313 УПК Латвийской ССР; ст. 285 УПК Молдавской ССР; ст. 334 УПК Украинской ССР; ст. 274 УПК Эстонской ССР).

⁹⁷ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг.», М., «Известия», 1970, стр. 522 (разрядка моя. — Э. К.).

⁹⁸ Там же, стр. 523.

Вопрос о мотивировке приговора рассматривался в ряде работ. См., например, В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. Обоснованность приговора. М., Госюриздат, 1959, стр. 203—219; М. М. Гродзинский. Мотивировка приговора в советском уголовном процессе. «Правоведение», 1960, № 4; П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., Госюриздат, 1961, стр. 134—135; А. С. Кобликов. Судебный приговор. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 85—91; Г. М. Оганесян. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Ереван, 1972, стр. 159—169.

В отношении иных (помимо приговора) процессуальных актов соответствующие статьи УПК союзных республик содержание мотивировки раскрывают более скупой⁹⁹, либо ограничиваются одной лишь констатацией требования мотивировки данного акта¹⁰⁰. Обязанность следователя, прокурора, суда мотивировать свои решения имеет наибольшее значение в качестве гарантии прав и законных интересов личности, когда ее содержание четко раскрыто в законе. Это служит тому, чтобы такая обязанность не исполнялась формально. Представляется в связи с этим целесообразным включить в закон общее (безотносительно к тому, либо другому постановлению, определению и т. п.) указание, раскрывающее содержание требования мотивированности процессуального акта¹⁰¹.

Конструирование подобного общего указания теоретически и практически возможно и оправдано, поскольку в основе принимаемых в уголовном судопроизводстве постановлений, определений, приговора, составляемого обвинительного заключения лежит: а) оценка доказательств, на основе которой следователь, прокурор, суд признают установленными определенные существенные для данного решения факты; б) правовая (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, гражданско-правовая, гражданско-процессуальная) оценка фактов, признанных установленными.

Рассматривая вопрос о содержании обязанности мотивировать принимаемые решения мы не можем обойти спорный вопрос о том, какой должна быть мотивировка постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Ряд процессуалистов считают, что мотивировка этого постановления включает ссылку на доказательства¹⁰². С позиции действующего УПК РСФСР (и большинства УПК союзных республик) это мнение спорно.

Ст. 143 УПК РСФСР лишь предъявляет к данному поста-

⁹⁹ Так, по УПК РСФСР должно быть указано: в протоколе задержания — «основания и мотивы задержания» (ст. 122); в постановлении о прекращении дела — «основания прекращения» (ст. 209).

¹⁰⁰ Таковы, например, указания УПК РСФСР, касающиеся постановления следователя о признании гражданским истцом или об отказе в этом (ст. 137); о производстве выемки (ст. 167); производстве обыска (ст. 168).

¹⁰¹ Это не исключает необходимости конкретизации мотивировки в нормах, относящихся к особо ответственным решениям, например, к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительному заключению; постановлению о прекращении дела; приговору; кассационному и надзорному определению (постановлению).

¹⁰² См., например, В. З. Лукашевич. Обоснованность обвинения и гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования. «Уч. зап. ЛГУ», № 202, сер. право, вып. 8. Л., 1956, стр. 190—200; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 205—210.

новлению требование мотивированности. Вывод же о содержании и мотивировки постановления о привлечении в качестве обвиняемого должен быть сделан на основании ст. 144 УПК РСФСР, которая раскрывает содержание данного постановления (мотивировка, как известно, — элемент содержания описательной части постановления, определения, приговора). Ст. 144 УПК РСФСР не предусматривает ссылки на доказательства. Следовательно, с позиций ныне действующего УПК РСФСР в рассматриваемых постановлениях не требуется ссылка на доказательства¹⁰³. Такое толкование подтверждает практика: по подавляющему большинству уголовных дел постановления о привлечении в качестве обвиняемого не содержат ссылки на доказательства, и, однако, это не расценивается прокурором, судом как нарушение. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что закон не дает оснований для такой оценки.

Иной является позиция УПК Литовской ССР. Этот закон обязывает следователя приводить в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого «основные доказательства, которые найдет возможным указать следователь» (ст. 162).

В подтверждение вывода о необходимости сослаться на доказательства в названном постановлении приводится ряд соображений. Они не лишены оснований, но и не бесспорны. Так, Н. Н. Полянский писал: «Обвиняемому не может не принадлежать право не только знать, в чем он обвиняется, но также и почему он обвиняется. Без этого он не может ни защитить себя, ни помочь правосудию, ищущему правильного решения дела в соответствии с истиной»¹⁰⁴. Вопрос о том, должен ли обвиняемый знать, почему он обвиняется, — не дискуссионный: такое право у обвиняемого имеется (ст. 201 УПК РСФСР). Обсуждению подлежит, очевидно, другое — вопрос о моменте, с которого обвиняемый может реализовать такое право.

Не подлежит сомнению, что, зная не только сущность обвинения, но и хотя бы основные доказательства, обвиняемый сможет полнее, активнее защищать свои интересы. С этой точки зрения ссылка на доказательства в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого отвечает законным интересам обвиняемого. Но нельзя не видеть и другого: не исключена возможность, что, зная основные (!) доказательства с

¹⁰³ Вывод об отсутствии у следователя обязанности приводить доказательства в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого разделяют, например, А. Н. Васильев и Л. М. Карнеева (А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 37); Е. Н. Лифанов («Сборник работ Барнаульского юридического факультета». Томск, 1971, стр. 169—170).

¹⁰⁴ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, стр. 196.

первой же встречи со следователем в качестве обвиняемого, последний предпримет попытку затруднить установление истины. Опасение этого (весьма реальное) может побуждать следователей неправомерно затачивать предъявление обвинения. Это фактически ограничит обвиняемого в его правах на предварительном следствии.

Н. Н. Полянский полагал, что не зная, почему он обвиняется, обвиняемый «не может защищать себя». Это опасение следственная практика опровергает: обвиняемые реализуют свои права в ходе предварительного следствия и в тех случаях, когда постановление о привлечении в качестве обвиняемого ссылки на доказательство не содержит. Однако максимально полное использование обвиняемым своих прав предполагает его ознакомление с доказательствами. Возможность ознакомиться со всеми материалами дела гарантируется обвиняемому при окончании предварительного расследования.

Суммируя сказанное, мы приходим к следующему выводу: а) ныне УПК РСФСР не включает в содержание мотивировки постановления о привлечении в качестве обвиняемых ссылку на доказательства; б) это не означает, что такие постановления лишены мотивировки, ибо следователь обязан (ст. 144 УПК РСФСР) привести в названном постановлении конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии в действиях лица данного состава преступления и уголовный закон. Тем самым он мотивирует свой вывод о наличии оснований для привлечения этого лица к уголовной ответственности; в) вместе с тем ссылка в постановлении на доказательства означала бы, несомненно, что вывод следователя мотивирован полнее, глубже, что способствовало бы усилению гарантий прав обвиняемого; г) учитывая, однако, что опасение следователя (во многих случаях вполне реальное) затруднить расследование сообщением обвиняемому при предъявлении обвинения основных доказательств может побудить его к затачиванию предъявления обвинения, что фактически ограничит права обвиняемого, мы считаем целесообразным обязать следователя приводить в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого основные доказательства, обосновывающие обвинение, если это не воспрепятствует установлению истины.

Рассматривая мотивировку как гарантию прав и законных интересов личности, важно привлечь внимание к решению, закрепленному в УПК Туркменской ССР: определяя содержание постановления и определения о применении меры пресечения (ст. 99), названный УПК требует, чтобы в постановлении о заключении под стражу указывались «особые обстоятельства», которые дают основание применить

¹⁰⁵ См. по данному вопросу ст. 161 УПК РСФСР 1922 г.

такую меру¹⁰⁵. Поскольку именно особые обстоятельства могут служить (при наличии иных видов мер пресечения) основанием для заключения гражданина под стражу, требование, предусмотренное ст. 99 УПК Туркменской ССР, является, на наш взгляд, необходимым элементом мотивировки названных постановлений. Оно усиливает защиту личности от незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Важность восприятия рассматриваемого решения УПК других союзных республик несомненна.

Указания закона о мотивировке будут защищать интересы обвиняемого, подозреваемого еще полнее, если распространить данное требование на акты, которые ныне им не охвачены. Так, УПК РСФСР не требует мотивированности решений: о соединении и выделении дел (ст. 26); о приводе обвиняемого (ст. 147); об освидетельствовании (ст. 181); об отобрании образцов для сравнительного исследования (стр. 186); о возобновлении следователем или прокурором прекращенного уголовного дела (ст. 210); о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера (ст. 402).

Как правило, закон не требует мотивировки определений, выносимых в ходе судебного разбирательства (см., например, ст.ст. 261, 264 УПК РСФСР). УПК РСФСР вообще не регламентирует содержания определений, выносимых в стадии исполнения приговоров (ст. 369).

Было бы неправильным признать отмеченное несущественным по тем соображениям, что необходимость мотивировки каждого процессуального акта предполагается. Поскольку закон в отношении одних актов требует мотивировки, а в отношении некоторых других нет — это может послужить поводом, чтобы пренебречь мотивировкой последних. Мы полагаем, что требование мотивировки следовало бы предусмотреть в законе как общее требование для всех процессуальных решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве. С этой целью целесообразно включить соответствующую норму в раздел I Основ уголовного судопроизводства (и в соответствующие разделы УПК союзных республик). Данная норма раскрыла бы содержание мотивировки (о чем уже шла речь выше) и закрепила бы требование мотивировки как общее, предъявляемое ко всем процессуальным актам (решениям).

Возможность и целесообразность предлагаемого решения вопроса определяется тем, что требование мотивировки предъявляется к процессуальным актам, принимаемым на различных стадиях процесса; оно относится к различным актам (к постановлениям, определениям, приговору, обвинительному заключению); данное требование имеет важное значение для решения задач уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, вынесение немотивированных решений могло бы допускаться лишь как исключение, оговоренное законом. Таким может быть, например, определение суда о порядке исследования доказательств в судебном следствии.

Несмотря на важность требования мотивировки, не изжиты еще случаи его нарушения. Это отмечено Пленумом Верховного Суда СССР, например, в постановлении от 25 февраля 1967 г.¹⁰⁶

Опубликованная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР убедительно показывает, что нарушения требования мотивировки приговоров часто допускаются по делам, по которым приговоры являются неправильными по существу, необоснованными. Указанные нарушения нередки при односторонности оценки доказательств, в том числе когда суд без должных оснований отвергает доказательства, противоречащие версии обвинения¹⁰⁷.

Нарушение требования ст. 314 УПК РСФСР о мотивировке приговора может способствовать осуждению невиновного, грубейшему нарушению прав личности. Убедительно показано это, в частности, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу П. и других¹⁰⁸. Подтверждаемая практикой взаимосвязь (немотивированность приговора — его неправильность по существу) еще раз свидетельствует об ответственности рассматриваемого требования закона как гарантии прав и интересов обвиняемого: если бы суд, без должных оснований отвергающий противоречащие версии обвинения доказательства, попытался привести объясняющие его позицию соображения, это помогло бы ему вскрыть в процессе мотивировки приговора сомнительность, неубедительность своего решения. Это могло бы содействовать предотвращению постановления необоснованного и незаконного приговора, содействовало бы предупреждению нарушения прав личности.

Есть еще случаи недостаточной мотивированности следственных актов, в том числе отказов (полностью или в части) в удовлетворении ходатайств обвиняемого, защитника. Отсутствие мотивировки, естественно, снижает гарантии обоснованности таких решений и по существу ущемляет право на обжа-

¹⁰⁶ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», 1970, стр. 33.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 ноября 1971 г. в числе недостатков в работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отмечено, что письма, посылаемые в ответ на надзорные жалобы «не всегда содержат мотивированные ответы на доводы жалобы» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 2, стр. 3).

¹⁰⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 2, стр. 35—37; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 4, стр. 21—24; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 4, стр. 11; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 33—37.

¹⁰⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 4, стр. 30—34.

лование обвиняемого, подозреваемого и иных участников процесса.

Представляется необходимым повысить ответственность судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, за тщательность исполнения требования закона о мотивировке. На наш взгляд, важности рассматриваемого требования отвечает позиция УПК Эстонской ССР, который отсутствие в приговоре мотивов относит к числу безусловных кассационных оснований (п. 7, ст. 310).

«Судьи должны помнить, что... неубедительные, немотивированные, наспех составленные документы подрывают авторитет судебных органов, снижают воспитательное и предупредительное значение выносимых приговоров и решений»¹⁰⁹. Это относится к прокурорам, следователям; к принимаемым им решениям. Законность, обоснованность, мотивированность постановлений, определений, приговора необходимы для того, чтобы права и законные интересы обвиняемого (и других участников процесса) были защищены; чтобы было обеспечено успешное решение задач советского уголовного судопроизводства.

¹⁰⁹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг.», 1970, стр. 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. Понятие и значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности	6
Понятие уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности (1).	6
Значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в условиях социалистической демократии (2).	15
Характерные черты названных гарантий в условиях социалистической демократии (3).	19
Ленинские идеи об обеспечении прав личности при расследовании и разрешении уголовных дел (4).	32
ГЛАВА II. Связь уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности с иными видами гарантий прав граждан	40
Реальность уголовно-процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов личности — результат взаимодействия различных видов гарантий социалистической законности, прав граждан (1).	40
Связь уголовно-процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов личности с отдельными видами названных гарантий (2—5).	42
ГЛАВА III. Обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда — гарантии прав и законных интересов обвиняемого	63
Названные обязанности — существенный элемент уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого и подозреваемого (1).	63
Обязанности указанных должностных лиц в области доказывания как гарантии прав и законных интересов обвиняемого (и подозреваемого) (2—6).	68
Обязанность следователя (лица, производящего дознание), прокурора, суда разъяснять обвиняемому, подозреваемому правосудные реалии этих прав (7).	95
Мотивировка принимаемых в уголовном процессе решений как гарантия прав и законных интересов обвиняемого и подозреваемого (8).	102

КУЦОВА ЭЛЕОНОРА ФЕДОРОВНА
ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Тематический план 1972 г. № 41

Редакторы *В. М. Левина, З. К. Старчак*
Технический редактор *И. Л. Тимашева*
Корректоры *И. А. Большакова, А. А. Алексеева*

Сдано в набор 4/VII 1972 г. Подписано к печати 1/XI 1972 г. Л-109858
Формат 60 × 90/16 Бумага тип. № 2 Физ. печ. л. 7,25 Уч.-изд. л. 7,75
Изд. № 1577 Заказ 347 Тираж 4760 экз. Цена 46 коп.

Издательство Московского университета. Москва, К-9, улица Герцена 5/7.
Типография Издательства МГУ (ф.). Москва, проспект Маркса, 20